

ОЛИВИЯ ТИШИНСКАЯ
У Истока. Хранители.

Том 2.
Таёжным
пояс

У Истока. Хранители

Оливия Тишинская

**У Истока. Хранители.
Том 2. Таёжный пояс**

«Автор»

2023

Тишинская О.

У Истока. Хранители. Том 2. Таёжный пояс / О. Тишинская — «Автор», 2023 — (У Истока. Хранители)

Продолжение саги о Хранителях. Теперь герои знают, что они здесь не просто так. Ничего не бывает просто так. Судьба разводит тех, кто был предназначен друг другу. Им так сказали. Но правда ли это? Как докопаться до сути? Где искать учителей? Как понять, что ты на самом деле избранный? Можно ли отказаться от дара и стать как все? Теперь, когда каждый из них остался один на один с тысячей неразрешённых вопросов, порой приходится откладывать сакраментальные вопросы бытия в дальний ящик и просто пытаться выжить. Иногда необходимо найти хотя бы одну причину вообще жить.

Содержание

Пролог	6
Глава 1. На свободу	7
Глава 2. Долгая дорога	10
Глава 3. Другими глазами	14
Глава 4. У основ	18
Глава 5. Утро нового мира	21
Глава 6. Что делать?	27
Глава 7. Воплощение	29
Глава 8. Пути твои	32
Глава 9. Ты или он	35
Глава 10. Знаки	37
Глава 11. В разлуке	40
Глава 12. Чаша вины	45
Глава 13. Первые слова	48
Глава 14. Небо	50
Глава 15. Просто дыши	52
Глава 16. Всё по кругу	55
Глава 17. Душа с душой	58
Глава 18. Осторожные шаги	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Оливия Тишинская
У Истока. Хранители. Том 2. Таёжный пояс

– Кто ты?

– Исток, – отвечает пространство.

Пролог

Ведьма никак не могла проснуться. То, что она видела во сне, пугало её дико, до холодного пота и дрожи в коленях. Да нет, какой дрожи?! Она просто готова была упасть на пол, сил стоять не было вообще, и, казалось бы, что она видела? Любимую бабушку, так недавно покинувшую подлунный мир. За счастье было бы видеть её, но этот страх, суеверный, дикий и необузданный. Как будто она до этого покойников никогда не видела. Тоже мне, приключение. Откуда же этот обезоруживающий страх?

Во сне бабуля стояла перед своим сервантиком с иконками. Маленькая старушка. Но это была и она, и нет.

Она была Лакшми. Именно она. Вот тут её чёрные волосы и большие выразительные глаза дополняли образ, как нельзя кстати. Как будто ради этого сна и росли они всю жизнь и оставались чёрными до глубокой старости. На Екатерине было соответствующее одеяние: золото, красный, какие-то драгоценные камни. Она стояла на одной ноге, воздев руки к небу, но перед иконами... Что это всё значило? Что за слияние культур? Почему это дико пугало ведьму, как будто происходило на её глазах что-то запретное или что-то такое таинственное, древнее, неизведанное, от одного намёка на которое становилось не по себе. Всё не так! Всё не так, как она знала. Вот здесь и сейчас что-то происходит более важное и более значимое, чем раньше. Что-то понять, что-то увидеть? Вот только что, когда тебя сковывает ужас и ты не в состоянии управлять собой.

Ведьма села на диване, с трудом удерживая себя в более-менее вертикальном положении, боясь дышать и желая проснуться.

Вдруг бабушка повернула к ней голову, не меняя остальной позы тела:

– Теперь ты. Теперь ты – главная.

Ведьму пригвоздило окончательно. Она поняла: теперь она старшая ведьма, главная и первая в Роду. Теперь на ней вся ответственность за живых, мёртвых и будущих. Она принимает прямо сейчас на себя всю ответственность, за всё. И отказаться нельзя. Никто тебя не спрашивает, хочешь ты или нет. Ты родилась для этого и тебе этот крест нести. Но как?! Как?! Если твои знания, умения, опыт, как у первоклашки...

Ведьму аж затошнило:

– А-а-а, нет, я не могу...

– Ты уже всё можешь и всё знаешь, – ответила мысленно Екатерина и улыбнулась. – Всё уже в тебе.

Девушка смотрела на Екатерину, вытаращив глаза, но перед ней была миниатюрная красавица индийских кровей, а вовсе не её старенькая бабуля. Изумительно прекрасная живая богиня.

Ведьма упала в обморок.

И проснулась в холодном поту.

Села на диване, с трудом дыша.

Всё было как во сне. Вот диван, вот сервант, вот она сидит даже в той же позе. Всё один в один как во сне. Даже шторка так же кривовато задёрнута и на полу лежат упавшие с гибискуса алые, чуть увядшие лепестки. Удивительно, что всё это ведьма успела заметить во сне.

А сон ли это был?!

Глава 1. На свободу

– Где твоя машина? – тряхнул он ведьму, почти оторвав от пола.

– Сломалось что-то, – тихо сказала она, – на сервис отогнала.

Удар.

– И как же ты отогнала, если она сломалась? – навис он над лежащей на полу ведьмой.

– Эвакуатор. Может, слышал, – она пыталась подняться, вытирая ладонью кровь с губ.

Удар. Она больно стукнулась головой о деревянный кухонный пол. Знала бы бабуля, что в новом доме не будут слышны счастливые шаги молодой семьи и малышей, а лишь тяжёлый грохот падающего тела. Её тела. Той, которая этот дом спроектировала для себя и бабули. Для себя и своей будущей семьи. А не для того, чтобы тут глумилось это чудовище.

Он низко наклонился над ней:

– Убью. И никто не узнает. Обоих. Ты на хрен никому не нужна. И вот это всё, – он потыкал толстым пальцем куда-то в пустоту, – вот это всё будет моё.

Она покивала головой.

– Поняла, сука? Я тебя отсюда живой не выпущу.

Она снова покивала.

Он ещё раз сильно пнул её ногой. Девушка застонала и согнулась.

Муж схватил её за руку и по полу заволок в спальню, где хныкала в кровати уже уставшая кричать малышка. Ещё раз пнул и замкнул дверь спальни снаружи. Она минуту полежала на боку, дожидаясь, пока немного отступит боль. Затем медленно поднялась, проверяя каждую мышцу, сустав, кость на целостность. Всё болело, но было цело. Синяки будут, но они ей не помешают. Она взяла на руки малышку, поцеловала в макушку и стала укачивать на руках. Дочка постепенно перестала хныкать, обняла её за шею своими крохотными ручонками и прижалась к шее маленьким личиком.

– Потерпи крошка, сегодня всё это закончится.

Осталось дождаться, когда он ляжет спать и молиться, чтобы до тех пор не умереть. Чёткой уверенности, что он не доведёт свои угрозы до конца, не было.

Она баюкала малышку и боялась выпустить её из рук до того самого момента, пока не заскрипела в спальне кровать и не раздался его храп. Теперь надо было действовать чётко, быстро и без паники. Она осторожно засунула мелкую в комбез, открыла окно настежь, чтобы та не запотела.

Все вещи были собраны и лежали в машине. Оставалось быстро переодеться самой. Она поймала себя на мысли, как легко ходить в ботинках по ковру, когда знаешь, что по нему уже не будет ползать твой годовалый малыш. Смешно даже, как мы цепляемся за вещи порой и не думаем о близких. Неужели ковёр важнее малыша? Она проверила ещё раз документы и деньги, боялась оставить их в машине. Вдруг угонят, тогда вообще хана.

Прежде чем вылезать через окно, она накинула на ручку изнутри петельку из лески и выкинула конец наружу.

– Ну, всё. Бог даст, увидимся, – сказала она, обводя взглядом игрушки и книжки в комнате, изо всех сил давя в себе желание расплакаться и остаться, лишь бы не покидать родных стен. Она сильно прижала к себе малышку, выключила свет и медленно перелезла через подоконник.

Малышка немного похныкала, но не проснулась. Ведьма насторожилась и прижалась к стене, боясь услышать за соседним окном, как скрипит кровать и он встаёт. Минуты две она, едва дыша, прислушивалась к тишине ночи. Ничего, кроме отдалённого шума автотрассы и непонятных ночных шорохов, слышно не было. Ведьма потянула за леску, окно медленно закрылось. Конечно, надёжно запереть его не получится, но... Леску она намотала на предва-

рительно загнанный под карниз толстый гвоздь. Хотя как-то. Всё-таки это её дом и она надеялась, что в этой детской ещё будет много счастья. Без него.

– Мне надо уехать, пойми. Тут оставаться просто страшно. Он настолько неадекватный, что это даже участковый признал. Его психиатрический диагноз очевиден. Но назначить обследование может только суд. В нашей стране психов лечат только с их согласия.

– Серьёзно?! А если он опасен? Если он убийца?!

– Сначала поймать надо, доказать, а потом по суду лечить. Иначе никак.

– Да что за страна такая?!

– Ну, вот такая. Сама видишь, то, что в нашем детстве лечилось, теперь норма. Если срочно что-то не изменится, то скоро убийцам будут разрешать убивать, потому что им это надо, надо же уважать чувства другого человека. Может, он страдает. Надо облегчить его страдания, вложив топор в руку. Вот так устроена наша система защиты человека. Не убил – не виновен. Специально не убивает, чтобы мучить – не так всё плохо, можно жить. Вы же живёте, работаете.

– Может, всё-таки на развод подашь? Мы тебя поддержим.

– У меня сил на эту борьбу сейчас нет. Вообще нет сил. Я не в состоянии ему сопротивляться. Это раз. Во-вторых, он будет тут, в городе. Он нас по-любому выследит и последствия будут самые плохие, поверь мне. Он или ребёнка выкрадет, или меня подкараулит где-то. Ты не представляешь уровня жестокости и ничтожества этого... Нет, человеком это назвать нельзя. Не достоин. Мне надо отдохнуть и ребёнку перестать плакать от каждого громкого звука. Работать я смогу и издалека, зато он нас не найдёт и тебе я скажу позже, когда пойму, что готова выйти из тени и победить.

– Куда ты? – вытирая слёзы, спросила Мира.

– Туда, где никто не будет знать меня по имени, никто не будет знать, кто я и откуда. Где хоть ненадолго можно обо всём забыть и просто спать по ночам, улыбаться солнцу, людям и не бояться удара в спину. Не бояться вообще ничего.

Мира согласно кивала. А ведьма чувствовала, что с каждым словом она как будто избавляется от этого страха и от старой себя, которая невеста откуда появилась и погрузила её саму на несколько лет в непонятное болото отчаяния, боли, неуверенности в себе и глухого неизбывного одиночества.

– Знаешь, Мира, когда он впервые ударил меня, то пробил какую-то стену, как будто мозги у меня в голове не просто встряхнуло, а разбился внутренний кокон, раскололся, рассыпался. Я увидела всё как есть. Я в глубоком шоке от самой себя, от того, что произошло, от того, как я во всё это влипла, как не разгадала этого человека, почему ничего не видела. Нет мне никакого оправдания, нет никакого-никакого оправдания. Как я влипла, я не знаю. Сама толком ничего не помню. Морок какой-то.

– Бывает, мне бабушка про такое рассказывала, говорила, плохие люди у успешных так судьбу отнимают и достаток. Ну, типа колдовства что-то.

– Да, моя бабуля тоже так говорила, как будто в след чужой вступила, если с человеком происходила непонятная и нелогичная хрень. Вот только без бабушки я в это и вляпалась. Уж она-то на порог бы его не пустила.

– Уверена, так бы и было. Я помню, какая ты была тогда. Как мёртвая. Глаза пустые. Только работа, всё чётко, логично, но сухо. Я думала, что мы вообще разбежимся. Ну, фирма в смысле... Прости... – взгляд Миры выражал отчаяние и извинение одновременно. – Но ты так погружалась в работу, так впахивала, что наоборот мы росли, как грибы после дождя. Имеем что имеем.

– Вот это и страшно. Если б не одно, не было б другого. Что если бы не смерть бабушки? Мы бы остались заурядным агентством по евроремонту? Думаешь, легко было начинать, когда

диплом ещё и не написан даже? Когда все деньги – это какие-то накопленные бабулей копейки и то, что дед просто в приказном тоне выдал, веря в меня. А потом? Все тут без меня обоим клеили, пока я по Дальнему Востоку собирала рецепты, идеи и себя в кучу. Я пыталась закрыть пустоту от слишком большого числа потерь. Я как будто умираю с каждым из них. Как будто дед уже увёз с собой тело, а души не было вообще. А сейчас я есть. Ты меня такую не знала, но я тебя уверяю, новая я тебе ещё больше понравлюсь.

– Мы никогда не были заурядным агентством по евроремонту, – немного обидчиво отозвалась Мира. – Ты строила стильное бюро и набирала классных людей и по профессиональным навыкам и по душевным, поэтому у нас заказчиков много и они возвращаются. У нас люди хорошие, – голос Миры дрогнул. – Ну, как мы без тебя будем?

Она снова уткнулась в платок. Мира плакала, как котёнок, тихонько попискивая, будто стесняясь своих чувств.

Ведьма присела на коленки у низенького дивана и обняла свою помощницу.

– Я немного передохну и выйду на связь. Ты только точно знай, что я просто в отпуске. Представь, что я на островах, где нет связи, а спутниковый телефон нашему бюро не по деньгам. Я тебе уже всё рассказала, все документы мы оформили, все свои проекты я закрыла. Я думаю, вы прекрасно без меня справитесь. Это ненадолго!

Мира вытирала платком лицо и согласно кивала, потом подняла голову и с видом брошенного ребёнка спросила:

– Правда, вернёшься? Скоро?

Тут уже у ведьмы сердце дрогнуло. Она бежала от боли, но причиняла боль другим.

Ещё одна распространённая ошибка всех и вся. Думать надо прежде всего о себе. Раненая или даже убитая она совершенно бесполезна и себе, и ребёнку, и всем тем людям, которые сейчас на неё работают. Сначала надо выйти из комы самой. Нельзя отдавать людям, если у тебя внутри пустота.

Глава 2. Долгая дорога

В первый день ведьма останавливалась только, чтобы покормить дочь и поменять ей подгузники. Термоса очень крепкого кофе хватило до самого вечера. Спать не хотелось вообще. Страх гнал всё дальше и дальше. Она знала, что усталость подкрадётся внезапно и срубит под корень, поэтому мысленно готовилась к отдыху, представляла, как блаженно они растянутся с малышкой на большой кровати в приличной гостинице первого же по дороге города, как она закажет в номер кучу еды и они будут есть мороженое и смотреть по телеку какой-нибудь сериал. Боже, как давно она не лежала овощем на диване, поглощая картошку вперемежку с кино. Мечта просто! Хитрый план отвлечения себя от усталости должен был сработать. Она знала, что если скажет себе: я устала, приеду и спать – то так и будет. А от этого усталости становится только больше. Душа не отдыхает, не видит радости. А только погоню и страх. Надо обязательно уметь расслабляться. Обязательно. Иначе реально можно заболеть или сломаться. Ради себя. Ради ребёнка. Надо искать и находить маленькие радости.

Утром второго дня, пока малышка ещё спала, ведьма пристально всматривалась в бумажную карту, разложенную на журнальном столике. Раритет этот ей совершенно случайно удалось перехватить у администраторши. Лицо её теперь вечно будет знаком максимального удивления, сродни встрече с НЛО. Девушка с ребёнком на недешёвом авто снимает престижный номер и просит бумажную карту, типа, телефон потеряла, а купить не успела. Ну да, сейчас-то салонов связи и в природе нет. Почитай, что на каждом углу пучок, а так нет, нету. Напротив гостиницы только четыре. Хотя и не было задачи объяснять, что и как. А врать, видимо, она умеет плохо. Или не умеет вообще.

Карта гласила, что дальше, если налево ехать от гостиницы через город, основная трасса петляет между областными центрами, посёлками и мелкими городишками. А вот если направо поехать, то и дорога не такая широкая и посёлков куда меньше. Значит, там немного людей, тише жизнь и проще найти покой. Затеряться среди пары сотен селян не удастся, но тут такие леса, судя по той же карте, в которых и медведю пропасть – раз плюнуть. Прямо, вопреки фольклору, дороги не было вообще никакой.

– Иногда вот очень хорошо, что выбора нет. Значит, идёшь верной дорогой. Своей. Вот туда и поедem. По дороге разберёмся.

Через пару часов после выезда путешественницы попали в такой шторм, из которого, казалось, дороги нет ни вперёд, ни назад. А прогноз вроде бы ничего такого не предвещал. Дорога шла через лес, ровная, узкая, до боли одинаковая, что слева, что справа. Серый ливень стеной, как по шаблону вырезанные огромные разлапистые ели. Штормовой ветер гнул вековые деревья, как траву. На крышу машины то и дело падало что-то тяжёлое, заставляя инстинктивно сжиматься, прятать голову в плечи поглядывать на дочку. Малышка хныкала, чувствуя беспокойство мамы и мятеж в природе.

Ведьме казалось, что по дороге мечутся потревоженные стихией дикие животные. Она всё время боялась на кого-то наехать и с ужасом представляла, как в непогоду не разглядит на дороге человека и тогда всё. Все её планы коту под хвост, сидеть ей долго и нудно, а что будет с малышкой она и думать не хотела. Страхи выступали сквозь завесу дождя и принимали почти физические формы. Она лихорадочно искала хотя бы какой-то просвет среди елей. Наконец подвернулся небольшой карман вдоль дороги, она медленно свернула и кое-как припарковалась, слабо различая окружающее за потоками дождя.

Она перебралась к малышке, вынула её из кресла и, завернувшись вместе с ней в два пледа, устроилась сзади. Шум и грохот дождя и ломающихся деревьев не то что уснуть не давали, а скорее вгоняли в какую-то бездну липучего и тягостного страха. Она долго беззвучно

рыдала, наконец, головная боль и отчаяние взяли верх. Ведьма провалилась в глубокий тревожный сон.

В нём она шла по улице своего детства, полыхающей пожарами до небес. Вокруг ни одной живой души. Зато вместо асфальта и тротуарной плитки были горы трупов, буквально горы. Везде текла кровь. Чёрные тучи застилали небо. Редкие люди, которые стояли на тротуарах то тут, то там, на поверку оказались бесами и чертями. Они её не видели, но некоторые поворачивали голову ровно туда, где она была, и вздрагивали, когда она проходила мимо. Чувствовали её Свет. Она откуда-то знала: их задача – поймать и убить её. Она ходила кругами по улице, стараясь не наступать на тела. Внезапно ведьма увидела: трупы шевелятся. Они вроде бы живы. При этом она точно знала: трогать их нельзя, помогать нельзя, ни в коем случае, никому. Ничего не трогать. Ни к кому не прикасаться. Это ад. И ей просто нужно выйти отсюда, просто найти дорогу и найти то, чего ради жить. Тогда она свободна. А эти люди, тела, души просто страдальцы, которые своими земными жизнями уже подписали себе приговор. Здесь они коротают свою тёмную вечность после жизни. Им не помочь.

Её окунули сюда, чтобы подловить на вечном желании всем помогать. На желании спасти. На её предназначении. Ей нужно было найти эту связь со Светом и она нашла. Сам собой возник в руках телефон и она позвонила домой, где её живая мама играла с малышкой, её дочкой. Она слышала и видела, как смеётся дочка, как смеётся мама в наполненной золотым мягким светом детской комнате. Видела, как мама сидит на диване, протягивая руки ко внучке, которая только учится ходить, как, заливаясь смехом, кроха делает свои первые шаги, и как мама её ловит. Девушка держала телефон около уха и слышала их голоса, и в то же время отчётливо видела эту полную счастья картину.

Затем она позвонила ему. Трубку взяла его троюродная сестра. Там тоже слышался смех и, сестра сказала, что сейчас он – лошадка и катает на спине её старшего сына. Ведьма услышала его голос, и даже весёлое ржание лошадки, засмеялась.

Если с дочерью всё было понятно, то видеть свою первую и единственную любовь – это было необыкновенно и сродни взрыву. Сколько она не пыталась увидеть их общее будущее и понять, как будет на этот раз, ничего не выходило. Было только ощущение. Ощущение его постоянного и нежного присутствия. До боли, до слёз, до отчаянного желания слиться с ним в единое целое и никогда не выпускать его рук.

Это было сродни обретению второго крыла. Одно – дочь, второе – он, с кем душа, с кем каждый удар сердца, с мыслями о котором засыпает и просыпается ежедневно, тот, кого видела во сне ещё малышкой, тот которого встретила и узнала среди тысячи лиц.

Страх ушёл. Она знала, ради кого и ради чего возвращаться. Ради него и дочери. Ради того, чтобы вновь стать мамой и подарить дочери братика. Или двух. Всё поняла, всё расшифровала. Так всё просто. Она повернулась и пошла обратно по улице.

Вдруг её позвал маленький мальчик. Ведьма обернулась. Он просил её помочь перелезть через трупы двух женщин, преграждавшие ему путь.

«Ну, нет, так просто меня не поймать», – она даже немного рассердилась.

Малышу, что преследовал её и канючил, она порекомендовала выбираться самостоятельно. Мелкий бесёнок захныкал, она отвернулась и пошла своим путём, немного раздражённая тем, что тёмные считают её уж совсем дурой. Опять мелкий бесёнок. Ещё один. Видимо, её страх не иметь детей и страх за дочь были для них слишком ясными маяками. Дальше она себе думать запретила. Были страхи куда большие, которые тянулись из прошлых жизней. Вот её слабые стороны. Вот их надо было сейчас спрятать максимально глубоко. Ведьма сосредоточилась на шагах из бездны, постепенно представляя, как под ногами вместо рек крови и искорёженных трупов расстилается луг, полный сочных трав и пышных цветов, как небо ста-

новится чистым и синим, солнце ласкает кожу. Она уверенно и совершенно свободно пересекла границу.

Прогуляться по цветущему лугу она не успела. Её разбудил свет и стук в стекло. Не с первого раза она поняла, где находится и что происходит. Сквозь запотевшие изнутри стекла машины пробивался сероватый утренний свет. В машине, несмотря на середину лета, было зябко и очень влажно. Первым делом она потрогала лицо малышки: нос и щеки были тёплыми, а её крошечные ладошки она так и держала в своих руках всю ночь. В окно машины вновь постучали. Был чётко различим мужской голос, за вспотевшим окном маячил расплывчатый силуэт. Ведьма перебралась на переднее сиденье и нажала на кнопку стеклоподъёмника. Медленно из тумана выступило лицо старика, затенённое капюшоном старой непонятного цвета плащ-палатки.

– С вами всё в порядке? – спросил старик.

– Да, доброе утро. Я полагаю, была гроза. Я припарковалась и заснула. Страшно ехать было, – сбивчиво объяснила она.

– Немудрено. Тут до жилья ещё не один километр, – понимающе покивал старик. – Куда путь держите?

Ведьма не знала куда. Она почему-то искала подсказку в его глазах. И нашла:

– Заблудилась...

– Немудрено, – снова ответил старик и покачал головой.

Ведьма собралась с духом и выпалила:

– Я дизайнер. Изучаю традиционные народные промыслы русского севера. Вот визитка, – она покопалась в кармане кобухи и достала коробочку с визитками.

– Далеко ты забралась, дочка, – сказал старик, разглядывая картонку.

Ведьма чувствовала волну странного смущения перед стариком. Ей хотелось что-то спросить, но мысли после тяжёлого сна путались, не удавалось поймать сути внутреннего беспокойства.

– Километров через пять-шесть по дороге деревенька будет. Очень давно стоит. Дома старинные есть. Старушки с сундуками нарядов да побрякушек, которым лет несчётно. Красиво там, по-над рекой. Поезжай. Там тебе понравится, дочка.

Ведьма улыбнулась, как хорошо и просто всё устраивалось.

– Езжай, я тут за грибами, дочка, – ответил на её немой вопрос добрый дедушка, похлопал машину, как хорошего жеребца, повернулся и скрылся в утреннем тумане.

Ведьма нажала на кнопку и окно медленно поползло вверх. Она откинулась на сидишку, закрыв глаза. Сон показал, кто в этой жизни важнее всего на свете и хотя она ничего не знала о нём уже несколько лет, чувствовала: всё будет хорошо. Когда-нибудь всё будет хорошо. Дед этот сердобольный тоже встретил её на пороге сна неспроста. Хороший дед. Хороший знак. И как-то в голове всё сложилось. Боги дали и не соврать деду и действительно, почему бы не воспользоваться отпуском посреди глухих лесов и не найти здесь источник вдохновения для новых работ. В конце концов, это ещё и модно. Этника, русский север, национальная самоидентификация. Наверняка, у них росписи есть, резьба, ткани, может, набивные. Дед про украшения говорил. Всё это будило в душе ведьмы приятный трепет. Это её, родное. Искусство. Творчество. Рисование. Дизайн, декор. Щедрые и строгие боги севера распахнули свои объятия и пустили её в этот дремучий лес, сберегли, направили, показали дорогу. Всё будет отлично. Она точно это знала. Теперь всё будет отлично.

Проснулась малышка. И сегодня ведьма встретила дочь совсем другой улыбкой. Она сама чувствовала, что нашла нечто важное. Поэтому на душе было легко и хотелось скорее в эту неизвестную деревню, куда ей указал путь старый грибник. Прямо, как в сказке! Добрый хозяин леса совершенно бескорыстно помогает сказочному герою найти свой истинный путь.

Фантастика просто. И нигде ведь ни слова: кто он, что он, просто вышел из леса, просто помог, просто так и снова скрылся в тайге. Зачем? Почему?

Потому что добро надо делать просто так, а не чего-то ради.

Ведьма покормила малышку, а сама только выпила пару глотков воды, не терпелось скорее за руль и найти уже эту благословенную деревеньку, затерянную в таёжном поясе дремучих тверских лесов.

Дорога действительно вывела прямо в посёлок, точнее к какому-то водоёму, сразу и не понять. На противоположном от ведьмы берегу, что был немного повыше, стояли четыре тёмные деревянные избы и белёный магазин с красной ржавой крышей. Синяя дверь была открыта и подперта стулом.

– Приехали, – радостно выдохнула ведьма.

Глава 3. Другими глазами

У магазина асфальт неожиданно заканчивался.

«Видимо, и цивилизации здесь конец», – подумала она.

Ловко подхватив малышку на руки, ведьма смело шагнула в тёмный дверной проём, как в новую жизнь. Навстречу ей дохнул холодок с запахом хлеба, муки, комбикорма и бисквитного печенья.

– Ох, ты ж мать моя, – приветствовал её очень древнего вида худющий старичок с палочкой, сидевший у прилавка.

– Добрый день, красавицы, вы откуда такие? – откликнулась продавщица.

Ведьма широко улыбнулась. Она легко представила, как это увидели местные: сквозь дверной проём в свете утреннего солнца входит стройная девушка с длинными распущенными волосами, на руках годовалая кроха в розовом пухе комбинезона. И да, девушка в кожаных брюках, кожаной косухе и высоких ботинках. И на богоматерь с младенцем не очень похожа, но что-то в этом явлении есть, ибо вокруг глушь, тайга и раннее утро.

– Доброе утро всем! А мы издалека. Вот хотели погостить у вас, дом ищем. Я художница, изучаю народные промыслы, а это моя дочка. Да, малыш? – она ласково потёрлась носом о пухлую щёчку.

– Вон что... Эт хорошо, – сказал дедок. – Это правильно, у нас мастера знаешь какие, ого-го. Я дед Кастантин. А это Марьюшка.

Продавщица тем временем несла из-за прилавка стул:

– Да вы присядьте, утро ранее, вы, небось, и не спали. А крохе можно конфетку или что мама разрешит? Ути, маленькая, – она осторожно потрогала за ручку девочку.

– Ну, разве зефирку. Я заплачу.

Тётка только махнула рукой и сняла с полки нераспакованный короб.

– Посиди у нас чуток, скоро народ управится со своим подворьем и потянется за хлебом. Минут через 20 машина приедет. На вот, лопай, – подала она малышке пухлую розовую зефирину. – А тебе, дочь, чай-кофе? И не отказывайся. Я не за деньги, а ты больно бледная. Точно ничего не ела сегодня. Я вижу, у меня одни девки.

– У ей их шесть! – воздел палец к небу дед.

– Кого? – удивилась ведьма.

– Дочек у меня шесть, – сказала тётка, поставив рядом табуретку, – вот тебе стол, вот тебе еда. Кофе?

Ведьма охотно кивнула и с удовольствием засунула в рот сдобное печенье.

Кофе был обычный, но чудодейственный. Горячий, свежий и после бессонной тяжёлой ночи обладал прямо-таки исцеляющей силой. Малая уже вовсю теребила деда, продавщица Мария Сергеевна с кем-то обсуждала по телефону закупки, и, судя, по разговору, сюда можно было выписать даже небольшую яхту, были бы деньги. Она взяла кружку и, откинув занавеску на двери, вышла на улицу. Разгуляться взгляду было особо негде, но это и радовало сейчас. Сплошная стена иссиня-чёрного леса в свете раннего солнца, серебристо-зелёное озерцо с поднимающимся влажным туманом. Косогор, на котором стоял магазин и несколько домов, был почти лишён высоких деревьев и выглядел непривычно. В её детстве деревня, куда она ездила к дальней родне, вся утопала в старых яблонях, вишнях, высоченных клёнах и тополях. А любой брошенный угол земли тут же превращался в непроходимые заросли смородины и какого-то дикого кустарника. Почти одновременно она заметила выезжавшую из леса грузовую машину и нескольких женщин, появившихся на вершине косогора. Значит, где-то там за ним деревня продолжается.

Следующий час в магазине было шумно, весело и напоминало старые советские фильмы про очень весёлых, жизнерадостных колхозников, которые с песнями и шутками поднимают целину. Ведьма сразу сбросила куртку и присоединилась к молодым селянкам, помогая разгружать машину. Как она и предполагала, в ней было всё: продукты, бытовая химия, канцтовары, техника, одежда и бог знает что ещё в коробках, узлах, мешках и т.д. Быстрая слаженная работа помогла перезнакомиться со всеми, кто пришёл за своими заказами и покупками. Когда машина уже отъезжала, со стороны леса к магазину вышел старый грибник. Он был уже без корзинки, в видавшей виды штормовке и с ним рядом гордо выступал здоровой белый пёс вроде лайки.

– А вот и дед Коля с товарищем, минута в минуту, – сказала тётя Маша. – Пойдём, кофе сделаю, дед редко кофе пьёт, но любит хороший.

Она подхватила на руки мелкую и шагнула вглубь магазина. Ведьма почувствовала, как лёгкие колкие мурашки пробежали по спине. Почему-то радостно было, что дед из местных и что она увидит его снова. Определённо, это был хороший знак. Она нырнула в прохладу магазина, густо наполненную запахом свежего хлеба и новых картонных коробок.

За прилавком старшая дочка тёти Маши Арина уже бойко отпускала покупки и раздавала тюки и коробки.

Когда вошёл дед, никто не заметил, но как только с ним поздоровался старик Константин, все разом обернулись. Ведьма на миг насторожилась, как-то необычно это было. Но дед явно был уважаем местными, чем и было вызвано внезапное коллективное внимание. Кто-то спросил, как грибы, кто-то про погоду и ещё про какие-то местные дела. Ведьма облегчённо выдохнула. Пока она не понимала, что её заставляет так переживать за незнакомого деда. Но он вывел их к людям, вот этим добрым и приветливым, каким-то родным. И она ему была необыкновенно благодарна. Они всего полтора часа в деревне, но уже знакомы почти с половиной местных жителей, в курсе их потребностей и предпочтений, сельского графика жизни и много чего ещё. Это, наверное, городской страх, решила ведьма. Городские эстеты предпочитают избегать стариков в принципе, тем более бородатых старцев в видавшей виды одежде. Как будто они не достойны оказались приличной старости, бомжи или ещё что. Вот на дачах бабульки и дедульки в старье никого не пугают, это униформа советского дачника. А в городе – показатель социального статуса. Мерзко и гадко это, вот что. Ведьма зябко повела плечами. Слава богам, здесь это просто был сосед в старой штормовке. Сосед, который ходил в лес за грибами и заглянул за свежим хлебушком в сельпо. Ну, а на фига она в лесу новая штормовка, с другой стороны? Ведьма улыбалась своим мыслям, деду, малой, которая кочевала из одних тёплых объятий в другие.

Она ни разу не вспомнила, что они ещё не устроились. Пока весь их скарб в машине, а сыты и довольны они потому, что тётя Маша подала воды и хлеба путникам, как это и положено. Не пришло ей в голову и того, что она впервые за долгое время не пытается ничего контролировать. Она предоставила выбор судьбе, богам, Вселенной, ангелам-хранителям и понеслось. Она просто шла, а дорога появлялась сама собой.

Постепенно народ рассосался, остались только два деда, Марья, Арина и ведьма с дочерью.

– Отец, возьми вот девочек к себе на постой. Они городские, но по всему видно в хозяйстве полезные. А она вот, – Мария Сергеевна кивнула на ведьму, – художница, а ты у нас про местные красоты, поди, больше всех знаешь.

Ведьма побледнела и прикусила губу. Она боялась, что дед откажет. Ну, подумаешь, дорогу указал в лесу и что теперь, спасти её всё время. С момента своего прихода он не сказал ей ни слова, но каждый раз, когда она смотрела в его глаза, то буквально тонула и хотелось на ручки. К этому старику её тянуло, как к родному. Почему-то ей казалось, что она искала в

этом глухом лесу именно его. Она не могла отвести взгляд и не могла скрыть испуг и мольбу в своих глазах.

Наконец, выслушав все доводы Марии, которые ведьма попросту не слышала, ибо в ушах был только стук её собственного сердца, дед спросил:

– Не забоишься?

– Нет, – выдохнула ведьма, даже не пытаясь уточнить, а чем, собственно, её дед пугает.

Марья расхохоталась:

– И бесстрашная, как раз для твоего медвежьего угла.

– Однако ж, – вставил дед Константин. – Как всё хорошо устраивается. И тебе хозяйка в дом, и девке для работы польза. А уж малая-то при таком старике вырастет здоровенькая и ух!

– А вы доктор? – наконец вставила ведьма, не сводя глаз с деда.

– Да как сказать, дочка, кое-что умею, – ответил он, так же не моргая глядя ей в глаза.

«Хоть бы не отказал, хоть бы не отказал», – молилась про себя ведьма.

– Дед Коля у нас вообще всё знает и всё может. Дед, – строго спросила Мария Сергеевна, – ты что решил?

– А что тут решать, собери нам еды на троих, вот деньги, – он подал Марье несколько купюр, – да и поехали.

Ведьма чуть было не вскрикнула от радости, щеки ярко вспыхнули, а улыбка расплзлась до самых ушей.

– Ну вот и славно, – сказала Марья, – пойдём, поможешь собрать еду. Что там малышке надо, сама выбери.

Девушка радостно подскочила:

– Я заплачу за нашу еду, вы не переживайте, – обратилась она сразу ко всем.

Дед только кивнул.

– Куда? – спросила она, еле успокоившись в машине, где было привычно и где она была главной.

– Вперёд, к тем домам и потом до самого леса, пока дорога не кончится.

Она согласно кивнула и медленно нажала на газ.

– А Вы кто по профессии всё-таки? – спросила она, не поворачивая головы.

– Да какая профессия, дочка, мне лет больше, чем этому лесу. Я просто давно живу, много чего видел, вот и всё. Ничего особенного.

– Но учились же чему-то? – осторожно спросила ведьма и на этот раз посмотрела на деда.

– Охранять жизнь и Свет, – каким-то другим голосом сказал дед и отвернулся к окну.

Ведьма уставилась на дорогу. Она получила ответ и он гораздо глубже, чем она ожидала. Это тебе не МГУ, не факультет сложных болезней, не секретное НИИ атомной энергетики. Всё решило слово «Свет». И это был не пафос, а что-то понятное только им. Ему и ей. Это было послание. И она должна принять его. И понять.

Она почувствовала, как где-то в глубине души проснулось что-то тревожное. Как будто давно забытое, но не чужое. Что-то мучительно знакомое. Это уже было. Не событие, а это чувство. Чувство потери. Разрыва связи с чем-то очень важным, родным, любимым. Она вспомнила сон прошедшей ночи. Его. Его образ отозвался таким же чувством. Потом она позвала маму, услышала её голос и даже увидела её. И она тоже резонировала такой же утратой. Подступили слёзы. И тут же, как будто откликаясь на её боль, перед глазами встала Екатерина. Она улыбнулась и одобрительно покивала головой.

«Ты дома», – прочитала по её губам ведьма.

Слёзы полились сами собой.

«Дом». Вот оно, ключевое слово этой реальности. Дом – там, где место твоей души. Вспомнилось, как много лет назад в ранней юности она впервые ощутила, что у души есть дом

и он не здесь, он где-то там, где Исток всего сущего, космоса, света, тьмы, людей, зверей и всего, что есть во Вселенной. Рай это или ещё какое-то место, она не знала, но тогда много лет назад она впервые остро ощутила эту связь. Она вспомнила, как лежала в своей комнате на кровати, свернувшись в клубочек, как рвалось на части её сердце, как она рыдала беззвучно в подушку, найдя, наконец, ответ на очередной свой вопрос о сути бытия. Дом души – это не здесь. Дом души – это там, где она родилась из света и любви. Это там, где она может истинно любить и где она будет принята со всем своим грузом прожитых лет. Дом – это то место, где любят, ждут и не осуждают. Дом – это то место, где всегда будешь вместе с теми, кто истинно тебя любит, и кого любишь ты, с теми душами, которые едины с тобой, это то место, где можно, наконец, обрести гармонию и счастье, где, наконец, душа отдохнёт от вечной борьбы, там, где Свет абсолютен и нет никакой тьмы. Вот почему так тоскует душа. Вот куда она рвётся из этого неудобного тела, чтобы расправить крылья, чтобы наполниться светом и любовью, такой любовью, о которой простые смертные даже представления не имеют и нет в их языке ни одного сколько-нибудь приличного слова, для того, чтобы описать всю глубину соприкосновения родственных душ, всю полноту и гармонию абсолютной любви и принятия света, единения с ним. С вечностью.

Глава 4. У основ

Дому деда лет было тоже немало, он разительно отличался от тех построек, мимо которых ведьма проехала только что. Толстые бревна, очень толстые и длинные стволы, глубоко посаженные окна, невысокое и не низкое крыльцо с толстыми балясинами. Лёгкая резьба тут и там, тёмный, сероватый, местами коричневатый цвет. Станный и немного чужеродный поразительный блеск каких-то слишком чистых окон с непрозрачными занавесками. Несколько построек с односкатными крышами вокруг. Никакого забора, никаких более-менее понятных границ. Чистая скошенная трава напоминала ухоженный газон. Дальше, за постройками она была не тронута. Как будто этот домик был игрушечный и вместе с клочком искусственной подложки из бархатной бумаги был выставлен посреди густого разнотравья таёжного пояса.

– Вот здесь, дочка, мы со Снежком и живём.

– Как в сказке, – выдохнула ведьма.

– Пойдёмте поселяться, девоньки, – он повернулся назад и подмигнул крохе. Она засмеялась, засучила ножками, прочно пристёгнутая в креслице.

Как только дверь открылась, Снежок, сидевший в ногах у деда, кубарем вывалился в траву и стал отряхиваться и прыгать.

– Непривычный он, – кивнул на лохматого друга дед.

– Но спокойный такой, – ответила ведьма, без страха ставя в траву перед собакой малышку.

Собака подошла и дала обнять себя за шею. Девочка ещё только училась ходить, поэтому повисла на Снежке с видимым удовольствием, а тот в ответ только мерно покачал хвостом.

– Однако, – улыбнулась ведьма.

– Чистые души, – отозвался печальным голосом дед.

Ведьма опять зябко поёжилась. Что-то с этим дедом её связывало, определённо. Не просто так он из леса вышел. Что-то тянуло к нему и пугало. На миг показалось, что он как будто забрал её из детдома, где она ожидала полжизни своего настоящего отца или деда. Она, конечно, нисколько не умаляла роли своих родителей, но это было родное, только ещё более близкое и понятное, щемяще знакомое. Такое же чувство связывало с ним, её любимым и недостижимым, это странное ощущение из смеси страха и узнавания, радости и глубокой, но приятной боли, как будто вечность искал и нашёл. И чем больше она это чувство в себе разглядывала, тем больше понимала, что права. Дед откликался всем своим существом таким же прикосновением к её душе, как и он, тот, кто остался в прошлом, тот, кто останется в сердце навеки.

Давно забытое чувство щекожных мурашек на самой макушке, приятное и волнующее, так неожиданно всколыхнуло что-то в сердце. Она не удержалась: тихонько засмеялась и заплакала одновременно. Дед ласково улынулся, как будто понимая, каждое её слово, каждую мысль, каждую эмоцию. Невыносимо захотелось подбежать и обнять этого огромного беловолосого старика с добрыми небесно-голубыми глазами. Он чуть кивнул, как будто разрешая.

Она несмело сделала шаг вперёд, смахивая слёзы.

– Я так долго ждал тебя, дочка, – тихо сказал старик.

Ведьма долго и подробно, обстоятельно рассказывала всю свою жизнь. Иногда вытирая слёзы, изредка улыбаясь, спотыкаясь, подбирая правильные и негрубые слова, чтобы описать свой недолгий чудовищный брак и выверенный побег.

Дед погрел, кажется, уже тонну чая. Чай был терпким, сладким и удивительно душистым. Он дал девушке тёплый плед, иногда похлопывал по плечу и вздыхал. Не перебивал, не совето-

вал, не упрекал, не учил. Но в каждом его действии, в каждом движении и взгляде она чувствовала, что он пропустил через себя слово за словом, почувствовал горечь каждой её слезинки.

– Этого ли Вы ждали? – наконец спросила она.

– Ох, дочка. Наболелась ты вся, настрадалась и боль твоя, как тёмное болото. Больно мне вместе с тобой, но и отратно, что ты дорогу нашла и что верить не перестала в свои силы.

– Да уж какие тут силы, – горестно вздохнула она.

– Такой путь проделала, а до этого такую войну выдержала, через ад прошла и не сломалась. Заболела душа, заблудилась, но всё равно в сторону Света идёшь. Большая в тебе Сила, дочка. Очень большая.

– Была бы сила, я бы его живьём зарыла, навела бы чего, чтоб его согнуло в три погибели и всё.

– Не то говоришь, дочка, это в тебе от страха и от боли. Я помогу тебе, неспешное это дело, но я тебя выхожу, на ноги поставлю. Мы все давно ждали тебя и Исток благословил нас тобою. Скоро, значит, уже и финальная битва.

Вымотанная до последней капли и едва находящая силы, чтобы дышать, она почувствовала, что её бросило в холодный пот, а тело сковал какой дикий суеверный страх.

– Исток? Что это? Какая битва ещё, господи ты боже мой... – слёзы опять полились ручьём.

Но слово «Исток»... Что-то в нём было знакомое до дрожи. Всё внутри как будто вздрогнуло от него, больно стало ещё сильнее, но как-то по-другому, щемяще и отратно.

– Ты одна из нас, дочка, – он спрятал её холодные тонкие руки в своих суховатых больших ладонях. Горячие как печки, они показались такими родными и добрыми. – Всё хорошо, будет, дочка, в тебе Сила огромная, ты воин, тебе нести Свет.

– Господи, какой из меня воин, – попыталась перебить она. Даже кривовато улыбнулась, представив себя сейчас растрёпанную заплаканную, уставшую за годы невыносимо, сбежавшую в отчаянии, неуверенную ни в минуту завтрашнего дня.

– Здесь тебя никто не найдёт, не бойся. Ты дома, дочка.

Она порывисто обняла старика и тихо хлюпала носом где-то на его могучем плече.

Он как будто замер, застыл, как скала, но внутри творилось что-то невыносимое. Ломало, крушило и разворачивало всё, что он прятал и пытался усмирить так долго, что вырос лес на крутом косогоре, потом сгорел и вырос новый, а он всё пытался себя простить и смирить в себе гнев, страх, стыд, отчаяние, не дать погаснуть последней надежде и искупить свою вину перед ней и Истоком смирением седого земного старца, что видел столько миров.

Когда ведьма наплакалась и устала до полного изнеможения, дед устроил им с дочкой настоящую баню с травами, смолистым духом каких-то масел для тела. А когда они накупались и наплескались вдоволь, оказалось, что дед успел испечь здоровенную ватрушку с ягодами и закипятить целый самовар душистого чая. Из бани она вышла будто новая и дед заметно помолодел и расправил плечи. И без того здоровый, сейчас он, казалось, встанет из-за стола и подопрёт потолок.

«Что-то он там говорил про воинов, – пронеслось у неё в голове. – С такими-то богатырями нам ничего не страшно».

Она решила больше никаких жутких историй сегодня не вспоминать. Слишком хорошо всё было.

Дом, семья. Так давно забытые слова в их истинном понимании. И так отратно было, что слова эти вернулись по-простому, от и стока, от корней. Снова что-то отозвалось внутри радостно, трепетно. И немного страшно стало от этого. Она когда-то давным-давно уже чувствовала что-то такое, какое-то воспоминание тянуло туда, в юность. Но именно сейчас хотелось дома обычного и традиционного, когда крыша над головой, безопасность и тепло, когда рядом любимые люди.

Снежок положил ей голову на колени и закрыл глаза. И звери, конечно. И любимые питомцы.

– Чем богаты, девоньки, угощайтесь.

Больше никто за вечер ни о чём грустном не вспоминал и не говорил. У каждого было море рассказов из детства, когда радости было полно и отрадно вспоминать и делиться с друзьями. Только ведьма никак не могла понять, сколько лет деду. Всё, о чём он рассказывал, казалось таким давним. И во всех историях он был как будто уже совсем взрослый. Но спросить она стеснялась. Понимала, что разговоров будет ещё много-много. Сейчас же хотелось счастья.

Глава 5. Утро нового мира

Утром, вопреки ожиданиям, девушка проснулась, едва солнце коснулось верхушек деревьев. Она осторожно встала, прислушиваясь к незнакомым звукам дома. Внутри было пронзительно тихо. А за окнами щебетали птицы и откуда-то глухо доносился крик петуха.

Босые ноги осторожно коснулись прохладного деревянного пола. Совсем другое ощущение, не похожее на ковёр на полу дома или плитку в ванной, но такое знакомое, как будто это уже было и не раз. Она надела тёплый кардиган прямо поверх рубашки, потуже завернула малышку, подставила к кровати два стула и на цыпочках вышла из дома. В дверях в лицо дохнул влажный и прохладный утренний воздух. По голым ногам пробежал лёгкий ветерок. Роса буквально текла по травам, листьям, цветам. Небо только набирало краски, золотилось всё вокруг в косых утренних лучах, а в лесу шумный хор уже исполнял песнь жизни. Как будто спать никто и не ложился. На край серого деревянного стола под раскидистым дубом села чёрненькая птичка с ярким хвостом, крутила головой, как будто показывая, что вот она-де, с утра уже добыла толстую букашку. А ты?

– Молодец, с добычей тебя, кроха, – кивнула ведьма.

– Горихвостка это, чернушка, – откуда-то сзади сказал дед.

Ведьма облегчённо вздохнула, как будто его именно и искала, лишний раз убедиться, что весь вчерашний день не приснился ей в морочном сне в машине посреди штормового леса.

– Доброе утро, – широко улыбнулась она.

– Известно, доброе. Смотри, как красиво, – дед подошёл и стал рядом.

Так и стояли они, наблюдая, как медленно из-за леса встаёт солнце, как неумовимо меняется всё вокруг под его лучами и там, где у кромки леса только что было непроглядно темно, постепенно начинает появляться цвет у всего. Серебруются росой травы, качают головами какие-то белые и жёлтые цветы, не разглядишь отсюда. Туда-сюда снуют по утренней прохладе мелкие птички.

Постояли ещё.

– Мне, наверное, надо что-то делать? – осторожно спросила ведьма, сама не понимая, с чего и правда начать эту новую жизнь.

– Да ничего не надо. Пообвыкнись, погуляй, познакомься с кем. Выспись, в конце концов. Ешь, пей, рисуй. Не торопись. Сила в тебе. Ты просто немного подзабыла, как её чувствовать и что с ней делать можно.

Она молча покивала головой. Над лесом кружил какой-то небольшой хищник, уверенно забирая в потоке всё выше и выше. Вот и ей так хотелось, чтобы Сила пришла и поднимала её вверх также легко.

– Он, когда родился, летать-то не умел. А ты родилась и помнила, кто ты.

Девушка перевела удивлённый взгляд на старика.

– Ты тоже так умеешь, просто тебе никто не говорил.

– Серьёзно?! Читать мысли?!

– Да, но вот сейчас я думаю, что пора бы позавтракать. Я-то рано встал, мне пора. И на утро у нас будут оладушки с мёдом. Свежий медок, собственный.

Он поднял руку и показал деревянный сосуд с крышечкой. Пузатый бочонок с витиеватым орнаментом хранил в себе золото.

Когда сытный ароматный завтрак почти был закончен, она решилась, наконец, спросить, о чём таком говорил дед и почему ждал именно её.

– Так сразу всего и не расскажешь, но тебе пора знать, кто ты и зачем.

– Зачем здесь?

– Зачем здесь, итак понятно. А вот зачем ты родилась такая, какая есть, это я тебе помогу понять и принять.

– Я ведьма? – обречённо спросила она.

Дед улыбнулся и как-то по-доброму посмотрел на неё.

– А ты-то сама как думаешь?

– Думаю, да. Во всяком случае, меня так готовили.

– Однако. Расскажи.

– Я с детства была не такая, как все. Видела сны, видела будущее. Помнила, кто я и когда родилась. Я помню даже жизнь до... Ну, до этого рождения. А в мире, где я оказалась, души не было, не было бога, да не было ничего. Я долго думала, что я сумасшедшая. Мне не было интересно со сверстниками. Я тонула просто в глухом отчаянии внутреннем. Мне четыре года, а я помню себя взрослым человеком и осознаю себя взрослым человеком. Я даже читать не училась. Я умела читать уже. Родители считали, что я запоминала сразу слова за мамой, когда она читала. Но нет, я просто умела читать. Я в прошлой жизни тоже была русской и помнила.

Дед понимающе кивал головой. Ведьма перевела дух и продолжила:

– Меня так угнетало быть в детском теле. Мне страшно было. Я чувствовала себя наказанной. Я иногда плакала, просто потому, что не хотела быть ребёнком, и просила дать мне ответ, зачем меня запихнули в это тело, как мне к нему привыкнуть, просила дать мне умереть. Больно было, страшно, отчаянно невыносимо. Я знала, что я взрослая, опытная душа. Звала, орала в голос внутри себя. Но никто не отвечал. Родители рано поняли, что я вундеркинд. Ну то есть они так рассчитали. Я много искала. Искала ответы, искала таких, как я, в книгах. Больше-то нигде было. Что во снах я видела, не могла понять. В пять лет увидела себя взрослую и... И одного парня. Тоже взрослым. Мы стояли, держась за руки, и смотрели друг на друга. И всё. А ещё одна я, только маленькая, стояла рядом и смотрела на них. Потом лет в 13-14, увидела его снова. Во сне было названо его имя. Но меня от него увёл другой подросток. Потом я поняла, что это муж. А тот остался в круге своих друзей. Все они реальны. Один, правда, умер. Он тоже был необычный очень. Светлый и чистый. Слишком чистый для этого мира. Его звали Илья. Он сказал, что знает о моём даре. И поручил заботу обо мне своему другу, ну тому самому... Илья сказал, что мы одна душа и суждены друг другу. Но что-то до сих пор не срослось... Вы хоть понимаете, что я говорю? Я так сбивчиво рассказываю, сама не знаю, почему... Просто как мешок с горохом порвался и всё тут, – она удивлённо и беспомощно развела руками.

– Всё я понял, не переживай. Тот, кто снился, твой хранитель, это так, – ответил дед Коля.

Она вспыхнула, подняла на него расширенные от удивления глаза.

– Кто?!

– Хранитель. Ты – воин света, он – твой хранитель и тоже воин света. Созданные парами, вы всегда будете находить друг друга во всех мирах. Но продолжай.

Ведьма было хотела потребовать разъяснений, но поняла, что это лишнее. Дед слушает её и надо говорить всё из сердца, как есть.

– Лет в семь я поняла, что вижу будущее, как оно случится, с точностью до секунды, до слова, до детали. Сказала бабушке. Она очень испугалась, я думаю. Бабушка велела никому не рассказывать об этом. Вот. Мы сходили в церковь, и там я вспомнила, как меня крестили. Бабушка была в шоке, потому что мне было 4 недели от роду, когда совершался обряд. Вроде как дети не могут в этом возрасте себя осознавать и тем более, что-то помнить. Вот теперь смотрю на дочь и понимаю, что это не так. Может, она и не будет помнить. Но там внутри взрослая душа, опытная и она не просто так пришла в этот мир.

Она взяла на руки малышку и нежно поцеловала в макушку, погладила по щеке:

– Я знаю, что ты меня слышишь, – сказала она, глядя в глаза малышке. – Я всегда буду рядом и всегда поддержу тебя. Ничего не бойся.

Дед одобритительно кивал головой. Она избранная, ему это было очевидно. Впервые за всю свою бесконечную жизнь он видел воина света, который помнил и осознавал себя и в момент перехода и сразу после и всю жизнь жил с осознанием своей уникальности, не сойдя с ума и не отрекаясь от света и добра. И ясно видел, как здесь, в атмосфере понимания и принятия, она мгновенно и открыто шагнула на свой избранный путь. Не то, чтобы смело, но смирившись с тем, что все эти перипетии вели её сюда. Она искала и нашла. И его задача рассказать ей, что же тут происходит, кто она такая и зачем пришла.

Строго говоря, не всё он и сам знал о ней, ибо Илья просто мастерски развешивал вопросы, не давая ответов: «Жди, учи и обретёшь исцеление».

Дождлся. Научит.

А что стоит за исцелением? Встретит ли он её, свою хранительницу? Или её душа сгинула навечно? Постигнуть всю глубину замысла Истока может только сам Исток. Никому из вечных и первородных этого не дано. Никому вообще не дано. Только Исток знает.

– А что бабушка? Ты ей говорила, что чувствуешь себя взрослой? – спросил дед.

– Нет, про это я первый раз говорю. Раньше я не чувствовала, что могу кому-то это доверить. Только сейчас понимаю, что буду услышана, – она густо покраснела. – Я нигде не нашла описания такого опыта перехода и осознанности с рождения среди современников, так сказать. И решила никому об этом не говорить. Только вот тот случай в церкви. Я сразу бабушке рассказала. Но мне 7 лет только земных исполнилось. Я тогда не очень понимала, как тут всё устроено. Я не знала, что я одна такая, а других нет вообще. Мне казалось, что все такие. Просто всегда у взрослых свои дела и они не разговаривают об очевидном. Я честно думала, что все помнят свои жизни, свой опыт. Все это нормально приняли и живут. А одна я страдаю, что меня засунули сюда. Ну как-то так. Вокруг ведь никто не говорил, что вот он в прошлой жизни хорошо жил, а теперь дворником работает. Я не понимала. Мне казалось, что плохо только мне. Почему? Не понятно. Как в этом мире всё устроено – не понятно. Почему никто не говорит со мной о том, как в этом случае быть? Когда они приняли себя? Как? Кто ж знал, что таких нет вообще. Это бабушка мне сказала потом, что она много лет в своём институте изучала таких, как я. Экстрасенсов, как они думали. А когда бабушка умерла, Вячеслав Михайлович рассказал уже со своей стороны, как они работали, что нашли, а что искать должны были. Это близкий друг моей бабушки. Он там руководил тоже чем-то. Военный. Опекал меня одно время. Но таких, как я, в их лаборатории не было. Бабушка даже думала меня туда на изучение отдать. Но Вячеслав Михайлович запретил. Бабушка учила меня травничеству, заговорам, общению с духами. В общем, обрядовой магии славянской, как её бабушка учила, а ту её бабушка, и так далее. Я научилась общаться с Родом, в который пришла, и вышла на прародителей, что жили шесть тысяч лет назад. Потрясающе это было. Шесть тысяч лет! Это был первый раз и самый мощный, когда я поняла, что мир вообще не так устроен, а история человечества на Земле полная чушь. Если шесть тысяч лет назад тут были города и люди вполне современные, не неандертальцы там какие-то, жили по-другому, денег не было, умели стихиями управлять, духовность была на высоком уровне. То как же теперь? Были они как волшебники прямо. И они мне дары дали.

– Дивно, – ответил дед. – Дивно было, я помню те времена.

Ведьма забыла, как дышать.

– Да ты продолжай, дочка, – дед махнул рукой, – Продолжай.

– А вы? То есть, как? Господи! Неужели такое может быть?!

– Как ты сама верно заметила, мир устроен совсем не так, как в учебниках написано. Да ты рассказывай.

– Я теперь уже и не знаю, что говорить.

– О себе говори. Для меня твой путь тоже необычен. Я первый раз вижу такую, как ты.

Она минуту помедлила, вглядываясь в его глаза и пытаясь понять, пугает это её или нет, хорошо это, что она вот такая уникальная, раз даже дед, который помнит, что было шесть тысяч лет назад, и таких как она не видел, или это плохо. Всё было необычно, абсолютно всё, каждая минута приносила что-то новое, настолько непредсказуемое, что не удивляться не было сил.

– Я в шоке... Подозреваю, что и бабуля моя тогда в шоке была. Она тоже не сталкивалась ни с чем подобным и не знала, что делать. Я вот сейчас вспоминаю, как она говорила: когда не знаешь, что делать, надо делать что-то простое, обычное. Делать маленькие шаги и тогда путь откроется.

– Всё верно, – перебил дед. – Делай маленькие шаги. И не бойся, твой путь уже открыт. Дальше будет проще. Много придётся пройти, но ты не одна теперь. Теперь ты знаешь, кому говоришь, и что я помогу найти ответы на твои вопросы.

Она облегчённо вздохнула. Не верилось, что вот так вдруг всё изменилось в одночасье и долгая сложная жизнь закончилась. Не в одиночестве от людей в мире, не в одиночестве от маленькой дочки или от её несостоявшейся любви, не в одиночестве от любимой и дорогой бабули, а в одиночестве от своих, таких же, как она. Она не сошла с ума, она действительно избранная. Для чего и зачем, кем и почему – это сейчас было настолько не важно. Стало мгновенно легко и хорошо от того, что она не одна. Их хотя бы двое. И дед, он точно вечный. Он расскажет ей, что тут вообще творится последние шесть тысяч лет или сколько он там помнит... А ей ещё и 30-то нет, а она уже устала, каково же ему?

– Итак, – снова напомнил о себе дед.

– Да, вот так мы и жили с бабулей. Она одно умела, а я совсем другое. Я скрывала ото всех, кроме неё, что умею, она скрывала ото всех, что умеет. Наверное, так всегда было. Потом бабушка умерла и я порастеряла всё, что знала, не могла поверить, что жизнь так жестока ко мне, что отняла у меня всех. И какая я тогда ведьма, или бабуля, если мы не могли предотвратить смерть моих родителей или хотя бы увидеть её, не могли вылечить Илью. Да что там... Даже любимого не сберегла. А замуж? Ну разве нормальная ведьма может выйти замуж так! Это же немыслимо. Конечно, нет.

Ведьма сокрушённо развела руками.

Дед всё так же по-доброму улыбался и молчал. Она поправила салфетки на столе, вытерла мелкой испачканную мёдом и кашей мордашку и вложила ей в руки кружку с ягодным морсом.

– Глупая, да? – наконец спросила она.

– Нет, отчего же. Просто слушаю тебя. Сегодня ты это без эмоций почти говоришь. Это хорошо. Ты готова к следующей ступени на своей лестнице вверх.

– Ну хоть вверх. Внизу я уже на всё насмотрелась.

– Вверх, дочка, вверх. Не сомневайся.

– И, слава богу, а то сил нет уже как прежде.

– Так обычно и бывает. Падаешь до самого дна, и оттуда дорога только наверх.

– Всплывать, значит, будем.

– Само собой.

– Тогда разреши, дед, спрошу, кто же мы и почему ты сказал, что ждал меня и зачем?

– Ждал, чтобы научить. Мы, то есть ты и я, воины света. Рождены мы в Истоке, самим Истоком и несём свет, одновременно защищая и преумножая его. Душа, как ты знаешь, вечна. Поэтому в некотором смысле мы тоже вечны. Просто кочуем из мира в мир, чтобы исполнять волю Истока.

– Исток – что это? Земля – не наш дом? Таких вот людей?

– Дом. Это самое верное слово. Именно Дом. Мы все родом оттуда, из Истока. Там Дом. Ты, я, твой хранитель... Все, кто был избран, чтобы нести Свет.

– А кем избран?

– Самим Истоком.

– То есть, это не планета?

Дед отрицательно покачал головой. Он смотрел на неё с интересом.

Она чувствовала, что он ждёт. Ждёт, что она сама вспомнит или почувствует, что есть Исток.

Она снова тонула в его глазах, ища ответа где-то там, в глубине.

Исток. Слово это каждый раз поднимало в её душе волну какой-то нежности и любви, как будто там что-то давно потерянное, но такое родное.

– А я помню, что это такое? Ну, Исток.

– Ты чувствуешь и знаешь, что это такое, просто нужно вспомнить.

– А как?

– Просто позови.

Ведьма удивлённо подняла бровь.

– Да. Так просто. Между творцом и душой, им сотворённой, нет посредников. Все, кто себя таковыми объявляет, шарлатаны и самозванцы. Он слышит тебя, и чувствует, как каждую душу во Вселенной, как каждую пылинку, каждый атом. Мы тело его и дыхание, плоть и кровь. Мы сами – творец и сотворённое им бытие, а какой тебе нужен посредник? Позови и душа сама тебе путь к Дому укажет. Просто надо очень верить и устремиться к нему всем своим существом, всею душой...

Голос его дрогнул, он опустил глаза и заметно ссутулился.

Ведьма замерла от какого-то непонятного чувства, больно уколовшего её в самое сердце. Она только что взлетела, устремившись за словами деда, удивляясь тому, что сама может выйти на какой-то высший разум, создавший всё, что есть в этом мире, и глубоко в космосе, и вообще везде. И вдруг как будто рухнула в терновый куст, уколов об острый шип самое сердце.

Дед покивал головой:

– Ты чувствуешь боль другого хранителя, как свою, именно потому, что мы с тобой так похожи.

Он медленно поднял голову. В его глазах стояли слёзы.

– Это великое чудо и испытание. Любовь Истока ко всему сущему и каждой живой души к своему создателю – это необыкновенной глубины и мощи сила. Не каждой живой душе дано испытать это. Для того, чтобы легко и свободно чувствовать эту связь, надо быть чистым сердцем и душой надо быть искренним и надо верить до самого последнего уголка души, абсолютно, без условий, без сомнений, как дети, и тогда ты услышишь его голос внутри себя, в себе, ты будешь говорить с ним и будешь говорить его голосом. Он будет смотреть через твои глаза на этот мир и ты это почувствуешь.

Ведьма вся покрылась мурашками и замерла, как будто потянувшись вся к деду, то ли чтобы утешить его в этом непонятном болезненном чувстве, где-то между абсолютной Любовью и неизбывным страданием. Что это, она не понимала. Зато отчётливо осознавала, что без живой связи с Истоком, вот такая боль – это как раз и есть признак разрыва этого единства. Вот что мешает, что болит и что тянет. Теперь предстояло найти вторую сторону этой медали – абсолютное соединение, где этой боли нет.

Вторжение какого-то могущественного высшего разума в её собственный внутренний мир очень пугало. Она так боялась, что это святое и великое нечто, творец, отец всего сущего, бог, увидит все уголки её души, все её страхи, все грехи, все дурные мысли и сомнения, и тогда без разговоров исчезнет из её жизни раз и навсегда. И никакой избранности, никакого служения, никакой вечности. Тут же колыхнулся страх ещё более глубокий, чей образ неизбежно олицетворял муж. А за ним другой страх – никогда не наладить отношения с ним, своим любимым, имя теперь которому – Хранитель.

– Ничего не бойся. Это абсолютная чистая Любовь и безопасность, это чистый Свет. Свет творения. Ты достойна и ты это знаешь. Страхи твои – это нормально. Перед лицом абсолют-

ного и чистого Истока, творца всего сущего, бога в мирском понимании, любая душа чувствует страх и несовершенство. Но это лишь страх, который рождается в цивилизации. А душа, рождённая Истоком, никакого страха перед ним не испытывает, когда чувствует его Любовь. Как только ты первый раз по-настоящему поймёшь, что он с тобой говорит, ты увидишь, что все твои страхи – это лишь опыт земной жизни. Ему до них дела нет. Он создал тебя чистой и для него ты чистая. Ибо не совершала ничего такого, что шло бы вразрез с предназначением хранителей. Только и всего. Все земные тяготы и заботы – это опыт. И если этот опыт растит душу, он только благословит тебя и покажет твой истинный путь. Не сотвори зла, неси свет и он всегда будет с тобой и в тебе. Ты дитя Истока и он тебя любит. Помни это и зови его из любви, из сердца, всем сердцем.

Глава 6. Что делать?

Ведьма никак не могла найти себе приложение сил в доме деда. Она привыкла за несколько лет в плену у мужа, что она просто домохозяйка и ей остаются только щи-борщи и стиралка с пылесосом. У деда же было идеально чисто, как будто сор и пыль не смели пересекать порога дома. Казалось, даже с собаки шерсть не падает, не говоря уже о песке с лап. Она вспоминала Терезу, с которой после прогулки песок сыпался бесконечно, сколько лапы не мой. Здесь же чистота была во всём: в воздухе, в душе, в доме, в каждом слове и деле.

Дед только хитро улыбался, сам рано утром стряпал завтрак, а к вечеру строго велел ничего не делать и баловал приготовленными в печи лакомствами. Девушка могла только с восторгом смотреть на это колдовство. Гигантская конструкция в полдома готовила изумительные пироги, дивную кашу и такой наваристый и ароматный борщ, что дочка уже сама отнимала ложку и, заливаясь бульоном, с удовольствием лопала, широко улыбаясь деду.

– Вот ведь понимает, что это не я готовила, – качала головой ведьма, блаженно жмурясь над тарелкой. – Вот как он такой получается. Невероятно. Никогда на плитке такого не готовишь.

– Само собой, – охотно соглашался дед, отрывая от большой краюхи кусок пышного белого хлеба.

– И хлеб тоже, – ведьма понюхала ломоть. – Я прямо надышаться не могу. Запах настолько другой по сравнению с магазинным, но какой-то прямо родной. Дышу им и надышаться не могу.

– Ещё бы, – с удовольствием поддакивал дед.

– Никогда у меня так не получится, – она откусила кусок и скулы свело.

– Получится, – очень уверенно ответил дед, помешивая деревянной ложкой с резным навершием дымящийся борщ.

– Это сколько лет тренироваться надо, – улыбнулась ведьма, – тысяч шесть, как Вы?

– Да больше, больше, – от души расхохотался дед. – Это только бульон варить шесть, а ещё печь растапливать и картошку мелко так резать, тут вообще сноровка нужна.

– Про печь я и думать боюсь. Для меня знания тут заканчиваются на фразе: по шучьему веленью, по моему хотенью, вези меня, печь, к царю сама. Ну и так далее.

– Не переживай, всё получится. Плиту справлю, если тебе прямо неймётся самой готовить. Но в печке вкуснее.

– Невероятно вкусно, – ведьма закивала.

– О чём и речь. Ты ешь и дочка пусть ест. Вырастет большая и умница, – он ласково погладил кроху по голове.

Та отрывала белый хлеб маленькими кусочками и бросала в борщ, потом ловила ложкой и, жмурясь, пыталась попасть ложкой в рот.

– Поросёнок, – ведьма потянулась, чтобы вытереть её полотенцем. Мелькнула мысль, что в таком доме, наверное, и пятновыводителя нет, никто ж борщ не плещет на себя. Дед опередил её, вытер моську малышки хлебом и вложил ей в руку. Девчушка улыбнулась, набрала ложку, половину пролила себе на подбородок, вытерла хлебом и откусила.

– Вот, видишь... – показал дед.

– Да вы вообще без слов общаетесь, на минуточку. Ничего, что ей только-только второй год пошёл?

– Не знаю, у меня детей нет, – дед улыбался и не отводил глаз от довольной малышки.

Ведьма не нашлась, что сказать, вдруг обидит. Дед, по всему понятно, вечный. Но есть ли у воинов света дети? У неё вот есть. Или у него тоже были, когда-то тысячи лет назад...

Не те ли это боги, которые к земным женщинам в гости заходили? Тогда детей уже точно в живых нет, нечего и беречь раны.

Дед как-то странно повёл бровью, но всё равно глаз с малышки не спускал, а она продолжала плескаться в борще, ожидая одобрения именно от него.

«А что, если он с ней разговаривает мыслями?» – пронеслось в голове у ведьмы.

Дед подмигнул мелкой и принялся за еду.

После ужина ведьма купала дочку, стирала заляпанные полотенца и скатерть в тазике с каким-то серовато-зелёным порошком, что выдал дед. Собиралась ещё посуду помыть, но тот уже всё прибрал, постелил свежую скатерть, поставил на стол тарелку с конфетами и прочими чайными лакомствами и сел к свету вырезать какую-то фигурку из липовой чурки.

– Так, чем ещё помочь? – ведьма присела рядом, внимательно наблюдая за его выверенными движениями.

– А что ты хочешь, дочка, то и делай. Хочешь плакать – плачь, хочешь танцевать – танцуй. Пой, например. Потеряла гармонию – вставай и начинай двигаться, почувствуй, как Сила проходит через тебя. Она никогда не прекращает своё течение, просто русло сбивается, заваливается мусором, обидами, страхами. Камни страха, они знаешь какие, огромнейшие, – дед развёл руками.

В одной был небольшой ножик, которым он резал деревяшку, в другой заготовка какого-то зверя.

«Огромные, – подумала она. – Вот как между ножом и куском дерева пропасть. И только человек мог придумать нож и из дерева вырезать фигурку. А это едва ли не первые вещи, которые человек сделал просто так и получал удовольствие. Искусство. Движение души, голос сердца, сила. Сила. Вот так просто».

– Вот так просто, – как будто повторил её мысли старик.

Её ещё пугало это стопроцентное умение читать мысли, но она тоже так хотела. Вот так чувствовать тонко, полно, до последнего сокрытого слова, чтобы помогать. Как он ей сейчас. Просто, ненавязчиво. Точно в то место, где надо было убрать камень с пути. И ведь по сути это не она убирает проблемы в своей жизни, а он точно ей подсказывает, где они лежат и как их преодолеть. А сама она перед этими завалами чуть не сошла с ума. Сама она металась в агонии страха и боли и едва нашла силы бежать.

Самый коварный враг любого дела – страх. Понятно, что когда он сопряжён с потерями, с настоящей физической опасностью, страхом смерти или увечий, он тяжёл и непреодолим порой. Но и моральные страдания тоже могут быть велики. Страх будущего, когда в одиночку в пустоту, а когда с ребёнком на руках в пустоту?

– Будь спокоен. Со спокойствием придёт осознание. С осознанием придёт радость. С радостью придёт счастье. Главное, что мы можем воздать богу, это хваление природы, благодарность вот за это вот всё! – дед широко повёл рукой. – За каждую былинку, за каждое облачко и капельку дождя, за глоток воздуха, за жизнь, за то, что в милости своей безбрежной он дал нам глаза, руки и ноги. И сердце горячее, чтобы видеть, ощущать, любить жизнь и всю её полноту. Понимаешь?

Она кивнула, чувствуя буквально каждой клеточкой тела какую-то счастливую дрожь от того, что всё это так, что она чувствует именно это, ощущает жизнь, её движение, её стремительные повороты и любовь творца, который, проведя тернистыми тропами, наконец, вывел её в начало того самого пути, сомнений в котором нет ни на минуту.

Глава 7. Воплощение

Ведьма сидела на ступеньке босая, с удовольствием касаясь пальцами шёлковой прохладной травки. Снежок лежал рядом, подставив свою большую лохматую голову, и наслаждался вниманием и нежностью сразу двух хозяек. Малышка с видимым удовольствием мяла его пушистый бок. А ведьма гладила по голове и приговаривала, какой он умный и спокойный, и заботливый, настоящий друг, верный, сильный, мудрый. Снежок даже глаза закрыл.

Дед вышел на крылечко со своей очередной поделкой и запахло свежей стружкой.

– Кто будет? – спросила не оборачиваясь ведьма.

– Подарок будет. Родные боги.

– Хорошо это, – глубоко вздохнув, сказала она. – Помню, как была у родового дерева. Там столько народу. В городе древнем была, как дома. Тоже хорошо было. Так странно, что мы и тут, и там, и всё одно. И этим родня, и на других планетах тоже родня. И вообще сложно понять, кто роднее. Эти, что по крови, или те, что по духу.

– А всё одно, дочка, всё одно, – ответил дед.

– Не понятно это. Я так и к роду каких-нибудь инопланетян принадлежу, что на нас не похожи ни сном, ни духом.

– Ну, духом как раз похожи, а вот сном... – усмехнулся дед.

– И всё-таки, как это устроено?

– А так устроено, что всё Исток породил из себя одного. И так было, и так будет снова. И ты, и собака, и дерево. Всё из него и всё зачем-то. Вот только материя – это одно, а дух – это другое. И дух этот может быть в ком хочешь и в чём хочешь. Сегодня Исток тебя здесь воплотит, завтра там. И твоя душа несёт свет туда, где он нужен больше всего. Вот Снежок несёт света сколько.

– Да, это просто настоящий хранитель. Необыкновенно, как вы его воспитали?

– Да при чём тут я. Он таким воплотился. Задача у него такая. Он всё понимает.

– То есть он был человеком когда-то?

– Не исключено. Я душу его вижу, да и ты можешь. Если захочешь, конечно.

– То есть как? Душу увидеть? Собаки? – ведьма повернулась, настолько позволяла огромная собачья тушка с навалившейся на него малышкой.

– А вот так. Учиться тебе надо. У тебя чутьё есть. Ты же чувствуешь хороших и плохих людей. Вот это с того же боку заходить надо. Только не специально, а наоборот расслабившись. Тебе, дочка, сначала надо научиться доверять своему чутью и своей Силе. А для того надо перестать напрягаться, всё контролировать и позволить Силе течь через тебя.

– Да как же не контролировать, вот так и нельзя, чтобы всё само шло..?

– А оно всё само и без тебя идёт. Это только твоего ума потуги, всё контролировать, а в Истоке всё решено и записано, как чему быть.

– То есть вот прямо всё и что бы я ни делала, всё так и будет? То есть и страдания предрешены?

– И страдания предрешены. Просто пока ты сопротивляешься и идёшь из ума, их как будто бы больше, а когда поймёшь, что бог есть любовь, что Исток есть любовь и бог, что он вечен, бесконечен и суть всего, тогда потечёт всё в тебе: сила, любовь, знания, умения видеть такое, о существовании чего ты и не знала никогда и никто тебе не говорил.

– Так просто? – удивилась ведьма.

– А ты думаешь это просто? – дед даже отложил свои поделки.

Ведьма смутилась и сильно покраснела.

– Я не то хотела сказать... Не то, что это прям суперпросто, а что истина так проста. Не суесться и принять.

– Вспомни на минутку историю девы Марии, которая приняла всё от первого гласа архангела о её избранности до своей смерти. Могла бы принять такое знание о своём дитя и безропотно пронести этот крест, который едва ли не тяжелее того, что нёс её сын?

Ведьма поджала губы и боялась поднять глаза.

– А придётся, – каким-то другим глубоким голосом сказал дед.

Краска мгновенно отхлынула от её лица и всё похолодело:

– Только не говори, что я избранная для того, чтобы отдать своё дитя за...

– Нет, ты сама всё пройдёшь. Ты избранная, её судьбу я не вижу пока.

Ведьма тяжело выдохнула. Говорить не хотелось. Да и непонятно, о чём. Историю девы Марии она пережила ещё лет в 14. Так глубоко затронула она её. Она буквально физически чувствовала боль и страдания её души, пытавшейся смириться с неизбежным, боль от понимания того, что ей, единственной в истории человечества, суждена миссия невыполнимая. И с неё нельзя соскочить. Она мать бога, будущего спасителя и её избрали для этого креста. Её сын пробудет с ней недолго и его жизнь будет подчинена миссии и спасению будущего человечества и она не сможет его спасти, не сможет вымолить его жизнь у бога, не сможет изменить будущее, которое уже предначертано этим жестоким богом, в которого они так верят. Не сможет и сам Иисус вымолить у своего отца, вообще-то, свою жизнь. И зачем такая жестокость? Почему к своему ребёнку такая жестокость? Почему Он создал, а теперь пытается людей? Пытает своего сына? В чём смысл? Как верить в такого бога? А средневековье? А травля христиан львами в первые века истории нового мира? Да что это за мир такой кровавый и бездумный? А фашисты, а все эти войны? Почему, за что, зачем? Как можно это терпеть и не видеть очевидного: бог есть любовь и снискать его благосклонность можно только любовью всех ко всем. И вообще, если просто всех любить и все будут любить всех, то рай наступит здесь. Вот прямо здесь на этой необыкновенно прекрасной плодородной щедрой планете, на этой жемчужине в бескрайнем космосе. Наш дом, каждая страна – одна комната в доме, каждый океан – это чистые глаза, каждый лес – лёгкие и ковёр, каждое животное – брат твой, а не пища. И воздух сладок и мягок, и вечность возможна...

Она расплакалась.

Дед подсел к ней и обнял её за плечи.

– Ты посмотри, как тебя, детонька. Ты избранная. Твоя душа так стремительно несётся к свету, так истосковалась по любви. Ты самая яркая звезда Истока. Ты – это он сам воплощённый. Он недаром тебя послал. Ты изменишь мир.

– А я смогу? – в её глазах было столько мольбы и страха, столько веры в то, что кто-то вместе с ней разделит этот путь, что дед не смог ответить ничего, кроме:

– Конечно, да. Иначе бы он не выбрал тебя.

Она прислонилась к его плечу, тихонько вытирала слёзы рукавом и молчала. А он смотрел на пламенеющий от закатного солнца лес и пытался сам поверить в то, что сказал. На его нынешний вечный век не приходилось ни одного конца света, кроме того, что он устроил сам. Войны были, много войн. Очень много. Но такого он не помнил.

Каждому миру при его создании были даны свои легенды и пророчества. Фактически была дана вся история его существования и дальше люди и нелюди тоже в каждом своём мире плясали от этого общего начального эпоса, кто во что горазд. И каждый раз они были в эпицентре этого танца жизни и смерти. Каждый раз кто-то отдавал свою жизнь за людей и нелюдей на всех планетах подряд, чтобы они верили, чтобы в страданиях и радости рождался новый более прогрессивный и сильный мир, чтобы крепла душа, чтобы однажды накопилась эта самая Сила Света в миллионах душ, которые откинут тьму куда-то дальше и защитят свой мир.

Когда-то где-то мир становится сильнее. Когда-то где-то силы тьмы ничего уже не могут сделать против Света. Когда-то где-то, наверное, мир становится светлым весь, все души сильными, тогда Исток воцаряется в каждой капле воды в этом мире, в каждой капле крови, в каждом дыхании, что славит его ежечасно. Тогда воины света отправляются дальше и дальше, к краю Вселенной, чтобы снова и снова от начала до конца пройти этот же путь с тем же почти набором демонов и героев. И так будет до какого-то невидимого пока ими самими конца, когда будет достигнут край Вселенной или пока Исток пожелает, кто знает.

Глава 8. Пути твои

Дед очередной раз собрался куда-то в лес, то ли за травами, то ли за грибами, не очень она поняла, занята была своими мыслями и переживаниями.

Временами накатывал страх: что там происходит в городе за сотни километров отсюда, стоит ли её дом, работает ли бюро, платится ли зарплата сотрудникам, не разнесли ли ещё по щепкам дачу Ефремова и бабулину заодно? Пока спросить было не у кого. Выходить на связь было рано. Прошла всего пара недель. Ещё и срок никакой. Ум подсказывал, что никто даже не хватился её ещё, никто даже не понял, что она вообще уехала из города. Да и кто её искать-то будет? Друзья знают, коллеги по работе уже давно во всём этом совместно участвуют.

Благо, её боги просто немыслимо одарили настоящими друзьями, которых ей и пророчила бабушка. Она собрала небольшое, но очень настоящее, очень верное сообщество вокруг себя, где были не только профессионалы, но и богатой души люди. Все они помогли, кто чем. Все как один молчали о том, где она скрывалась, все как один исполняли свои профессиональные обязанности как надо. Все поддержали её отъезд и руководство издалека. Все знали, что несколько недель она не будет доступна. Кто-то даже пошутил, что она едет осваивать Сибирь, чтобы открыть там головной офис и строить новые дома из местной лиственницы, потому что она невиданно хороша и почти вечная. Теперь это слово «вечная» было в каждом дне. Теперь оно легко и запросто поминалось в каждом разговоре и было о другом. О настоящем. О душе, о вечной жизни, о вечной любви и возможной вечности или каком-то очень долгом существовании для рода человеческого. И теперь ей предстояло не просто домики строить человеческие, как она шутила, а защищать Дом всего человечества и сотен или миллиардов иных миров, которые все суть и есть Исток. Она даже не понимала ещё о ком или о чём все их с дедом разговоры. Пока не понимала, чувствует она его или нет. Но дед был уверен, что не просто чувствует, а живёт им. Он улыбался, хитро прищулив левый глаз. Ждал, когда она откроется полностью сама и почувствует его в каждом дыхании своём, в каждом движении жизни вокруг, в каждой секунде бытия. Исток есть. Он – всё вокруг и она часть его, его дитя, его воин, его надежда.

Дома делать было особо нечего. Еды дед оставил полно ещё и из магазина парни какие-то привезли полмашины всего, что в огороде не росло или в лесу. Дед заказал, видимо.

Коробки с красками и альбомами она только открывала. Но на творчество пока сил не было. Она видела белые листы, разноцветные коробочки, потрогала пушистые кисти, но ничего внутри неё пока не отзывалось. Это печалило. Очень хотелось что-то сделать, что-то создать, что-то такое через себя пропустить в мир. Но где-то внутри стояла широкая, высокая и тотально чёрная стена, за которой, словно всё красивое, радостное и созидательное осталось. А пока тут она сидела в горе и печали, не понимая, как встроиться в новый мир, с чего в нём вообще начать жить.

Дед не торопит. Просто дал ей новые зацепки и новые задачи. Она воин света. Её душа вечна. У неё есть миссия – нести свет.

Обычный человек счёл бы их сумасшедшими и вызвал участкового врача и участкового милиционера. Вот только она сама с детства живёт в мире, где ничего обычного не происходит. За всем всё время фонит какое-то потустороннее, глобальное, неизведанное и связанное друг с другом сотнями непонятных связей и неразрывных нитей.

Ей иногда казалось, что дед знает всё о ней и обо всех людях, с которыми она встречалась по жизни. Он порой так уверенно кивал на её реплики и рассказы, что она и не понимала, согласен он с её мыслями и выкладками по поводу той или иной ситуации, или это что-то типа: «а, Максим, знаем, знаем. Он убил ангела, мы тогда все на него осерчали».

Однажды она и об этом спросит, потому что очень тяготит её это, и про старца Лазаря, и про Илью, и даже про мерзкую Лилию. И про Валюшку спросит, которая так и пропала в Чехии. И про Наташку, которая там где-то, в северных снегах сторожит у причала своего подводника. Почему они все исчезли из её жизни?

Целых два года она не видела его, своего любимого, своего сероглазого скульптора, который теперь кузнец.

Она тогда только познакомилась с мужем и делала для него проект. Пришла в кузню сама и снова застала его с девушкой. Красивая, дерзкая, похожая на маленького кусачего эльфа из какой-то сказки. И так не похожая на неё. Снова эта боль. Она тогда и не сказала толком ничего. Просто оставила свои координаты: вот, мол, моё дизайн-бюро, вдруг доведётся поработать вместе. А на самом деле хотела заказать по готовому проекту у него. Все документы, эскизы и даже деньги принесла, чтобы наверняка.

Но поняла, что не сможет видеть их вместе, просто умрёт от боли. Тем более, что эта мелкая язва оказалась кузнецом. Кто бы мог подумать, что такая хрупкая и невысокая девчонка так ловко и уверенно чувствует себя в мужской профессии. Магия какая-то. Он был немногословен и сдержан. Болтала в основном его вторая половинка. А они так и сидели, молча пили кофе. Она как всегда тонула в его глазах и изо всех сил пыталась не разреветься, поэтому долго пробыть не получилось. Слишком больно, слишком невыносимо снова видеть его с другой. И никак не удавалось понять, почему после всего того, что между ними было, он так ничего и не сделал. Ведь даже не поговорили ни разу больше о том самом. Ни разу так и не выяснили, что это было. Почему после того, как он вернулся из Москвы в тот тяжёлой и заполненный бесконечными похоронами год, он так ничего и не сделал? Вместо того, чтобы быть рядом и переживать эти утраты плечом к плечу, он просто исчез. Она так долго ждала его. Готовилась к отъезду на Дальний Восток, но в тайне надеялась, что вот-вот в дверь позвонят, а на пороге будет он. И она никуда не поедет. И дедушка не поедет, останется, чтобы разделить их молодое счастье. Останется, чтобы быть с ними, увидеть правнуков, чтобы у них была семья. Настоящая. Пусть и маленькая. Она так верила. Она так этого хотела.

Так отчаянно в это верила. В него, в них. В вечную любовь.

Малышка подошла и удивлённо посмотрела на ведьму. Та улыбнулась и быстро вытерла слёзы краем рубашки. Девочка тоже улыбнулась и стала размазывать маленькими ладошками слёзы по лицу мамы. Та рассмеялась, обняла её крепко и стала щекотать. Малышка удивительно заразительно смеялась, звенела, как сотня маленьких колокольчиков. Иногда ведьма специально щекотала её, чтобы послушать этот весёлый перезвон.

Как жаль, что она не его дочь. Как жаль...

– Пойдём погуляем? – обратилась она к дочке.

Девочка радостно запрыгала на месте, притопывая одной ножкой. Это было забавно и почему-то напоминало народные танцы. Координация движений, конечно, была ещё совсем малышковая, оттого выглядело это очень мило.

Вообще, если бы не эта кроха, ведьма ни на секунды жить и бороться за это вот всё не хотела. Только она, только её рождение, сам момент, когда она впервые взяла на руки этого ангела, как будто пробудили её, как будто она сама в тот миг родилась ещё раз для этого мира, как будто прорвало какой-то кокон, сломало стены, разорвало мироздание на до и после. Теперь за неё и ради неё она будет бороться. Она будет бороться за себя, за неё, за свою свободу, за новую жизнь. Она больше не даст вытирать об себя ноги, она больше не даст ему издеваться над собой и держать взаперти. Она больше не будет делать вид, что ничего не происходит. Она встанет мощная, как цунами, и разнесёт к чертям всю тьму, что вила кольца вокруг неё все эти годы. Она пойдёт на войну и победит их всех. И неважно как. У неё на руках ангел света и за него она готова на всё.

По спине пробежали табуном верные мурашки. Почему-то до головы не добрались. И это её удивило. Надо у деда спросить про этот ток, который бабушка называла связью с Силой. Он наверняка всё знает и расскажет, почему иногда он стремительно срывается с макушки и улетает в самое небо, иногда течёт вниз, а иногда вот так бродит по спине, заставляя как будто отряхиваться, как собака после речки. Но всё равно приятно. Такая разная и такая непредсказуемая Сила.

Здесь, она это отчётливо ощущала, силы было много, энергии просто заливали всё вокруг, как весеннее половодье. Не случайно дед тут вечный живёт. То ли в самой природе тут есть что, то ли дед тут такое поле держит, что просто как в ванной с живой водой.

Хочется всё время что-то делать и даже жить хочется. Осталось придумать, как и куда. Основные вехи понятны. Жить ради неё, победить в какой-то войне с тьмой.

Интересно, получится хотя бы просто друзьями быть с любимым? Хотя бы просто общаться. Почаще, но только бы он не пропадал больше никогда. Пусть будет другом. Лишь бы рядом. Лишь бы однажды в этой битве миров оказаться спиной к спине против лютого зла и победить.

Только бы победить. Ради неё. Она погладила дочь по пушистой светлой голове. Ради себя. Ради всего вот этого.

Она медленно встала.

Подняла малышку на руки. Ради мира вокруг.

Глава 9. Ты или он

Все эти истории были почему-то одинаковые. Какой-то смысл во всём этом был. Но она пока не могла понять, какой.

Она пришла к хранителю и увидела его с другой. Пришла заказать проект, но не сделала этого, чтобы не видеть их вместе.

Сделала вид, что ей не надо. Хотя реально ведь надо было. И пришлось делать заказ в другой мастерской. И не очень удачно вышло в итоге. Клиент не пылал восторгом, но очень ценил её и потому остался и даже потом заказывал ещё им объекты.

Максим приходил к ней в новый тогда офис тоже с заказом на дизайн-проект. И тоже она не стала с ним работать. И тоже по личным причинам. Тоже сердечным. Только на этот раз Макс предложил ей отношения. Внезапно, но безапелляционно, так как будто они много лет были вместе, а тут расстались и он хочет вернуть её во что бы то ни стало. Он тогда очень долго и настойчиво за ней ухаживал. Роскошно. Слишком даже.

Но перед её глазами стояла прекрасная дева, которую он убил, и которая падала с небес. Она дико боялась спросить, что это было, понимая в то же время, что вся эта история очень и очень неспроста. Максим, конечно, был неотразим, чертовски хорош.

И это «чертовски» лишний раз доказывало, что какими бы белыми и пушистыми не были его крылья в её старом видении, в целом этот персонаж не вызывал в ней никаких положительных эмоций. Она его боялась. Точно.

После смерти Ильи спросить уже было не у кого, а Илья живой так ничего толком и не объяснил. Она надеялась, что однажды как-то сможет выпросить у Максима, что же это всё было. Но прежде она хотела убедиться, что он помнит тот момент, понимает, что и он, и она из какого-то иного мира. Просто она ничего не помнит, но кое-что видит, а вот он... Что он помнит, видит, знает? Ведь в том видении он выглядел ровно так, как и здесь сейчас. Разве что красивого делового костюма на нём не было и не блестели так ярко мощные навороченные часы на запястье. Он не изменился. Значит, был как Николай. А вот она нет. Её тёмные искали, и Илью искали, и её хранителя. А вот так их спрятал Исток до последней битвы от тьмы. Затерял среди тысяч миров, бесконечно перерождая и наделяя опытом.

А Максим тогда был очень настойчив, очень. Даже слишком. И это тоже навело мысль о чём-то таком, что ведёт к обрыву правильную девочку из хорошей семьи. Только в этом страшном своём видении она падала с обрыва так же, как та девушка-ангел со сломанными крыльями. Но на этот раз крылья были её собственные, большие сломанные крылья.

Почему-то ей казалось, что Максим сделает это намеренно, но тоже будет невыносимо страдать, как и тогда. И почему-то она на сто процентов была уверена, что он это сделает по чьей-то чужой воле.

И третья история была очень и очень похожа, но вот она и оказалась самой разрушительной. Её муж. Он тоже пришёл заказать дизайн-проект. С ним у неё не было связано вообще никакого прошлого. Она первый раз его увидела, как и всех клиентов, в приёмной и никакого особого внимания этой встрече не придала.

Позднее она столько раз силилась понять, как между встречей ранней весной и свадьбой ранней осенью успела его так близко подпустить, что отправилась под венец, как овца на заклание. «Овца» – только так она о себе и думала.

Дед напоминал, что это опыт и нечего тут кровь из самой себя пить, а то кончится.

Но она ещё не отпустила это, оно ещё болело, угнетало и мешало.

Старалась, старалась. И только теперь поняла, что эта история: я пришёл-пришла заказать проект – что-то важное значила. Что-то в этой истории должно было дать ей какой-то

ключ, какое-то понимание того, что с ней, с ними, со всей этой историей в тот момент происходило. Как будто именно в этот момент она стояла на развилке, где были три дороги, как перед Ильёй Муромцем, и она, конечно, выбирала не ту. Она сбежала от своей боли, сбежала от мысли о том, что причинит боль их паре, если, например, его новая девушка увидит хоть какой-то намёк на чувства между ними, поймает хоть один её взгляд любви, брошенный на него. Получалось, что только она виновата сейчас в том, что происходило. Она свернула не туда.

Но Николай раз за разом говорил, что так видимо и должно было случиться, чтобы она восстало мощно, как древняя мать-прародительница, так настоящая ведьма. Почему-то светлым силам никак не получалось пробудить её иначе.

Зато теперь она не просто проснулась, а как будто переродилась. Почти. Почти переродилась. Но определённо её отъезд был самым лучшим из имеющихся во Вселенной вариантов. Потому что со стороны всё было настолько хорошо и очевидно, что иногда волосы вставали дыбом от того, что она видела в своей жизни открывшимися глазами. Было горько, больно, обидно, стыдно. Всё вместе. Хотелось бы всё изменить. Но ничего обратно уже не вернёшь.

Итого, оставалось принять, что одна и та же ситуация не просто намекала, а криком кричала: тут что-то не то! Надо выбирать сердцем. Душу слушать. Она не обманывает.

Конечно, единственно желанный вариант контракта был с ним.

Вот оно, то самое слово. Контракт. Контракт!

Контракт Света и тьмы.

Или контракт Света и Света. Договор. Союз! Единение.

Все эти синонимы тут подходили. Они про любовь, про дружбу и про то, чтобы стать спиной к спине в последней битве. Или плечом к плечу, или лицом к лицу. Но только, чтобы сказать – мы победим! Мы сильнее. Мы Свет!

– Мы – Свет! – вскочила она со стула и подпрыгнула, раскинув руки. Малышка удивлённо подняла голову и уставилась на маму:

– Мы – Свет, дочка, мы – Свет, – она весело подбежала к ней, подхватила её на руки и закружилась по комнате.

Николай остановился на пороге, видя, как её энергополе взорвалось и заливает комнату неравномерными, но энергичными и яркими всполохами. Может, когда хочет. Помнит, но не верит пока, что помнит, и что может, тоже не верит. Просто слишком сильно били, просто слишком сильно устала, просто столько раз говорили, что она никто и звать её никак, что она и сама поверила, хотя вот третьего дня сказала, что старушка к ней пришла. Ларисой звать. А она и правда третьего дня умерла. Так испугалась, подумала, Николай шутит. Еле убедил, что она снова видит умерших и это нормально. Вот лишнее доказательство её связи со всеми мирами. Мёртвые сразу её нашли, потому что чистые души шли к чистому проводнику, чтобы она сказала родным, что с ними всё в порядке и они попали куда надо, чтобы по ним не плакали, не убивались.

Ему очень и очень хотелось уже увидеть её в полноте Силы, когда она ни на минуту не будет сомневаться в том, что она великая волшебница, мать-прародительница миров, она и есть Исток, часть Его и Свет. Она и есть Любовь. Вот когда это снова станет частью её органики, тогда у неё не будет уже сомнений в своей Силе. Вот тогда это Сила. Ох, хотел бы он это увидеть!

Глава 10. Знаки

Лето набирало силу. Уже не такая сочная зелень была на деревьях. Становилась жёстче и выше трава. В саду появились первые крошечные завязи плодов. А на клубнике и вишне ягоды готовились поменять окраску с сочно-зелёной на более съедобную.

Ведьма собрала дочку, закинула в корзину еды, квас, молоко и свистнула Снежка. Он нехотя забрался в машину, сел осторожно на сиденье и поставил в линеечку лапы. Ведьма улыбнулась и покачала головой: какой-то безупречный пёс.

Девочку она пристегнула сзади, хотя поначалу так и собиралась ехать с ней на руках. Что тут, деревня пустая, по сути. Но сердце нехорошо ёкнуло и она решила не рисковать. Деревня деревней, поэтому тут тем более никто от бешеных куриц не застрахован.

Ей наконец захотелось поехать вдоль деревни и куда-нибудь дальше, лишь бы дорога подходила большому внедорожнику. Хотелось посмотреть окрестности, но так, чтобы не сбивать ноги и не мучить малышку. Приехать, сесть на капот и сидеть, глядя на прекрасное, столько, сколько позволит природа, погода и жёсткий металл машины. А потом... Да как воля вольная подскажет.

Сегодня, впервые за много дней и ночей, она почему-то чувствовала себя свободной. Чувствовала, что может не сидеть дома, не прятаться в четырёх стенах, не бояться выходить дальше забора, в образном смысле, потому что забора никакого вокруг дедовой усадьбы не было. Тут, кажется, и зайцы за капустой на огород не заходили, понимая, кто перед ними и что. Хотелось сделать что-то для себя, по-настоящему для себя. Так, чтобы ни у кого не спрашивать разрешения, никого не просить, просто сесть за руль своей машины и ехать, сколько захочется. Отдыхать в поле и на опушке леса или на той стороне озера, сколько захочется. Есть пирожки и запивать квасом. Сгрызть яблочко и закопать семечки на опушке леса, чтобы лет через тридцать здесь же сорвать с ветки такое же сочное жёлтое яблочко. Она улыбнулась своим мыслям и, если бы не внезапно глухо рявкнувший Снежок, точно бы задавила целый выводок гусят. Она резко затормозила и посмотрела на собаку. Снежок как будто укоризненно сдвинул брови и странно бурчал что-то, клацавая зубами.

– Ну, говорящей собаки у меня ещё никогда не было, – шёпотом сказала девушка, чувствуя, как похолодело всё внутри.

Гуси тем временем миновали дорогу и разбежались по травке на противоположной стороне.

– Спасибо, Снежок, – она чуть тронула его за лапу. – Спасибо, вот видишь, там чутьё сработало, пристегнуть дочку, а тут нет.

Она повернулась к малышке. Та безмятежно улыбалась, тиская большого белого кролика в голубой кофтейке. Она что-то нежно рассказывала ему на своей непередаваемой речи, состоящей, из урчащих, пищащих и каких-то музыкальных звуков.

– Хорошо, что мы вместе, – сказала она, ни к кому не обращаясь.

И не понятно было, говорит она о дочери, собаке или вообще обо всех, кто сейчас входил в её ближний круг и каждый день давал ей силы жить и смысл просыпаться по утрам и вести этот странный бой.

Снежок аккуратно переставил лапы, снова выстроив их в линию, и гордо задрал голову.

– Как человек прямо, – сказала ведьма вслух.

За деревней дорога превращалась в слабо намеченную в траве колею. С одной стороны было фермерское поле ещё одного предпринимателя, который приехал на село возрождать традиции. Сам он был не местный, но только здесь ему согласились выделить поля под лён, уж слишком они были заброшенные и заросшие. И полями не назвать. Но дед Коля сказал, что

мужик оказался на удивление упорный и за четыре года из пустоши, поросшей кустарником, снова сделал годное поле. Сейчас здесь волнами качался на лёгком летнем ветерке набирающий рост молодой лён.

– Как море, – ведьма приостановилась, вышла из машины, чтобы насладиться его мерным колебанием.

Чем дольше она смотрела, тем отчётливее ей казалось, что оно какое-то густое, что это самое пространство движется и меняет свою плотность и структуру, что время как будто тут тоже приобретает непонятную текучесть. А если долго-долго смотреть, то можно раствориться в нём, стать то ли ветром, то ли волной на этом поле, стать чем-то, у чего даже имени нет.

– Прямо гипноз, – шёпотом сказала она и залезла обратно в машину. – Дальше поедem. Я тут прямо теряю связь с миром.

Ещё пару километров вдоль леса широким привольем расстилались дикие луга. Разнотравье пестрело цветами, колосьями, гудело пчёлами и шмелями. Вот тут была жизнь, вот тут волны хоть и были такие же текучие, но разновысокие травы не создавали такого гипнотизирующего эффекта. Здесь губы сами собой расплылись в улыбке. Настоящая жизнь, она именно такая: разная, пёстрая, непредсказуемая. В каждый миг можно что-то своё увидеть. Она высунулась в окно, подставив лицо ветру. Становилось жарко и хотелось к речке, пройтись по мокрому песочку и может даже искупаться.

И небо ответило. Потянуло речкой. Это был тот самый влажный, полный запаха водорослей, рыбы и стоячей воды, дух, который не перепутаешь ни с чем.

– Ты знаешь, где речка? – весело спросила она Снежка. Собака высунула розовый язык и зачавкала.

– Пить хочешь? Я тоже!

Она перегнулась через собаку и открыла дверь:

– Веди!

Собака радостно вываливалась в траву и помчалась по дороге.

Ведьма газанула и буквально спустя пару минут оказалась на берегу медленной широкой речки. Берег удачно окаймляли раскидистые ивы, от чего вид у него был совершенно сказочный и романтический. Ветки концами плескались в волнах, где-то вдали ударила по воде хвостом здоровенная рыбина. Над головой пронёсся вёрткий зимородок.

– Да ладно, ну просто идеальное место, – всплеснула руками ведьма.

Песочек на небольшой латке берега был чистый. Только птичьи лапки и следы улиток написали на нём что-то утреннее, что-то особенное. Снежок помедлил минутку, глядя на ведьму, и направился к воде. Он долго и с удовольствием пил, пока девушка с дочкой расстилали на травке одеяла, доставали корзинку с припасами и раскладывали игрушки.

Пёс подошёл к одеялу и внимательно посмотрел на всех и всё, потом весело свалился в траву, задрал лапы кверху. Девчушка расхохоталась. Зазвенели над лугом колокольчики.

«Такая простая семейная идиллия», – подумала ведьма и снова перед её внутренним взором, как последние несколько дней встал её любимый. Он улыбнулся, чуть прищутив серые глаза, и так и остался висеть в воздухе. Она отводила взгляд, пыталась думать о другом, но всё равно он стоял где-то рядом. Наблюдал за тем, как она вдруг стала снова улыбаться и как её душа снова ищет красоту вокруг, чтобы очередной раз поразиться силе и мощи творения, немыслимому разнообразию всего того, что создал кто-то непознаваемый для них. На её руку села большая оранжевая бабочка. Она даже дышать перестала, боясь спугнуть такую красоту. Бархатистые крылья переливались на солнце от каждого её движения, длинные невыносимо тонкие усики сворачивались в колечки на концах. Бабочка сделала пару шагов. Стало щекотно и ведьма пошевелилась, спугнув неожиданную гостью:

– Хороший знак, – почему-то выступили слёзы. – Очень хороший.

День был странный и хороший. Ничего особого не происходило, но почему-то хотелось за каждый шаг в этом дне говорить такое искреннее и волнующее спасибо, как будто сбылись сразу все мечты. Что-то грандиозное и невыносимо щедрое заполнило внезапно всю её и всё пространство вокруг. Мимолётно, но возвращалось чутьё, предвидение, буквально на уровне интуиции, какого-то слабо различимого отражения будущего. Как будто что-то говорило с ней простыми и понятными даже детям знаками. Как будто она снова должна была научиться жить, любить и доверять себе и своему дару. Как будто сама, как её маленькая дочка, училась делать первые шаги и вкладывать в слова странные музыкальные звуки.

Сквозь боль и отчаяние, сквозь настоящую физическую невыносимую боль, она родила несколько месяцев назад новую себя. Когда дошла до дна, когда почти умерла от побоев, когда поняла, что от будущего её отделяет всего один вздох... Там, на пороге нежизни она приняла решение жить. Она прорыдала, прокричала и проревела все свои боли, страхи и ужас одиночества, все утраты, все скорби, все потери. Она обвинила себя во всём и оправдала. Она сама себя приговорила, отбыла наказание и вот вышла на свободу. Вышла туда, где была рождена на этот белый свет ещё десятки лет назад. Ей снова придётся узнать себя, снова научиться ходить, говорить, применять свои способности. Слава богу и всем, кто их ведёт, что не придётся делать это в одиночестве. Теперь она обрела настоящего учителя. У неё есть опыт прошлой жизни в этом же теле, в этом же мире, но это прошлая жизнь, в которой она была как будто чужой себе.

Она даже не одну жизнь прожила, а как будто несколько: детство, юность, где всего пару лет было отведено красивой и взаимной любви, и снова одиночество и ужас плена у этого страшного человека, за которого она почему-то вышла замуж.

«Это происки тёмных», – сказал Николай.

Много ещё предстоит понять из того, почему так сложилось. Почему именно так сложилось? Почему тёмные имеют над ней такую силу? Почему на борьбу с ними брошены такие сильные тёмные маги. Почему им не дают быть вместе настолько отчаянно и настолько болезненно? Почему их столько смертей вокруг окружало и как теперь сделать так, чтобы сохранить всех своих, чтобы выстоять и чтобы снова обрести его. Она была уверена сегодня, что этот образ, висящий в тенях ивовых кос, не морок, а какой-то знак, что он думает о ней, он любит её так же, как она сегодня любит весь мир в полноте его. Она снова вытерла слёзы. Это были слёзы радости, которые сегодня никак не хотели быть просто влагой её тела. Они хотели выхода. Душа как будто проснулась и рыдала от счастья, что она, наконец, свободна, она услышана и теперь она может нести свой Свет так, как это повелел Исток. Где же ты, о, центр мироздания, и творец всего сущего?

Ведьма подняла голову к небу. Пушистые облака, огромные, как горы, бороздили невыносимо красивого цвета небо. Она поставила ладошку козырьком. Одурающе высоко парил какой-то хищник и оттуда еле слышно доносился его короткий окрик. Он словно тоже говорил:

– Иди. Иди.

Так коротко и отчётливо она это слышала в его крике.

– Всё будет хорошо, – повторяла снова и снова она, сквозь слёзы, – всё будет хорошо. Я тебя слышу.

Больно защемило сердце и она повернулась к сероватому образу кузнеца, который отчётливо различала в кроне дерева.

– Я тебя слышу, – сказала она ему. – Я всегда тебя любила и всегда буду любить.

Откуда-то из заводи с шумом поднялась на крыло пара птиц: селезень и утица.

– Хороший знак, – улыбнулась она сквозь слёзы. – Очень хороший знак.

Глава 11. В разлуке

– Что не спишь? – дед вышел в большую комнату и остановился в дверном проёме.

Ведьма сидела около ещё тёплой печки. В комнате густо пахло свежим хлебом и яблочным сиропом. Она медленно мешала уже остывший чай ложечкой и смотрела куда-то в пустоту.

– Не могу, – тихо ответила она.

Дед направился к печке, потрогал чайник, подбросил в растопку плитки полешек.

Ведьма молчала. Он тоже не торопился, чувствовал, что она и сама сейчас не очень понимает, о чём думает и думает ли вообще. Поле её излучало тоску и боль. Но в то же время в нём виделось что-то золотистое, немного тусклое, но нежное и тёплое.

– Я всё думаю, – начала она, – почему мы тогда так бездарно всё упустили. Неужели ничего нельзя было сделать? Как будто слова не те шли изо рта, как будто ноги специально не туда несли. Что это? Морок?

Дед пожал плечами, проверил заварник, и отошёл к шкафу с банками и туесками сушёных трав.

– Так что, дед? – снова спросила она.

– То, что объединившись втроём, вы создали какую-то сильную и знаковую троицу, ты уже сама поняла. Вы все со способностями, все призваны что-то великое здесь сделать. Да я уже говорил.

Он повернулся к ней, держа в руках две берестяные баночки.

– Просто так он не посылает одномоментно и в одно место столько воинов света, это ты уже знаешь.

Она встала и направилась к деду:

– Давай помогу.

– Вот тебе всё время надо что-то делать, непоседа, – улыбнулся Николай. – Ну давай, сотвори что-то из твоих чаёв.

Она подошла к шкафу и какое-то время с интересом разглядывала баночки. Потом стала доставать одну за другой, открывать и проверять, где что.

– Они не дают нам быть вместе? – осторожно спросила ведьма.

– А сама как думаешь?

– Обвинять кого-то – самое простое. А вот просто подумать и решить, что ему я лично чем-то не пришлась, это больше ведь на правду похоже, да? – она повернулась к деду.

В свете ночника и отблесках огня из-за печной заслонки её лицо казалось ещё грустнее.

Николай несогласно покачал головой:

– Иногда всё именно так и происходит, когда истинную причину легко завуалировать и показать шаблон.

– Как по-умному.

– Я могу, всё-таки давно живу тут среди вас. Или думаешь, что только по-деревенски могу? – усмехнулся дед.

Он отрезал толстый ломоть хлеба и густо намазывал его мёдом:

– Съешь вот хлебушка с витаминами. Для головы помогает, – он подмигнул.

– Опять глупости говорю? – ведьма горестно вздохнула.

– Да нет, почему сразу глупости, – дед присел к столу. – Просто то, что на поверхности видишь, не всегда то, что есть на самом деле. Это же понятно. Это как снег зимой. Он холодный и на улице минус пятнадцать, предположим. И кажется, что под снегом всё умерло и никогда больше не вырастет ничего. Но мы-то с тобой знаем, да любой ребёнок это знает сейчас, что

снег – это тёплое покрывало для всех трав и что под снегом даже мышке в норке теплее, чем если бы те же градусы на голую землю...

– Вот ты прав, – согласилась ведьма. – Но жили-то мы в мире людей и там измена, молчание и откровенный уход – это всё признаки очень и очень плохие и никакой подоплёки за ними не ищешь. Ушёл – не любит. Вот и всё.

– А ушёл, чтобы сохранить или отвести зло от тебя?

Ведьма недоверчиво посмотрела на деда:

– Если бы ты говорил об Илье, я бы согласилась. Но кузнец... Нет. Он и не знает, кто он на самом деле. И потом, это всё через него пришло.

– Но ведь измены не было, – чуть склонил голову на бок дед.

– Не было. Но он ни разу публично её не отшил. Не показал при всех, что она не просто безразлична ему, а противна. Ни разу при ней не было такого, чтобы он ярко проявил эти эмоции. Всё время как-то нелепо это выглядело, как будто он не мужик. А это тоже предательство. Не очень хотел отшить, значит, не так уж противно было.

– А тебе надо войны?

– Спасибо, не надо. И, судя по твоим словам, она всё равно будет. Но хочется, чтобы он меня защищал не только где-то в фантазиях Ильи, но и в реале. Меня, себя и нашу тайну, наши отношения, наше сокровенное, понимаешь?

Дед только головой покачал. Что тут говорить, всё так. Она права, и переубеждать её бесполезно именно поэтому. Есть сторона мистическая и про предназначение, а есть сторона житейская, про того самого мужика, который надёжное плечо, сильная рука и горячее сердце. А тут пока она одна воюет. И даже сама не понимает, за что. Илья умер и связи с ним она пока не ощущает, даже не понимает, кто он был и зачем здесь был. Скоро он завершит свой круг там и она увидит его настоящим, таким, как он был создан светом и любовью Истока многие миллионы лет назад. Узнает ли она его? Да, конечно, узнает.

Но нельзя же вести её за руку через все испытания. Она должна многое сама постичь, вспомнить, сопоставить факты и понять, что вышло, как и почему.

Хотя в этой ситуации для неё слишком много неизвестных. Это ему видно всё, потому что он не только в своём первоначальном статусе здесь, просто разжалован, а она проходит жизнь за жизнью сотни воплощений, чтобы вернуться опять на землю, которую создал он.

Он видит всю картину сразу, а она – только ту, что прожила и некоторые отрывки их прошлых жизней, где она и её хранитель были вместе. И, как он понимал, это лишь кадры кинофильма. Она даже не везде понимает, что они прожили сотни воплощений в разных телах, будучи друг другу не только мужем и женой от Истока. Они испытали на себе всё, что только придумал Исток для этого эона. Возможно, однажды она и в этой жизни сможет прозревать такие временные дали и другие жизни подробно. Но сейчас её больше беспокоит то, что в сторону войны света и тьмы она идёт одна. Совсем одна. Все умерли, кто любил её. А его, дедовой любви хранителя к хранителю, ей, конечно, недостаточно. Это и человеку понятно. Ей кажется, что для наполнения жизни и для полноты внутренней, ей непременно нужно, чтобы был другой кто-то, кто любить будет её. Но это совсем не так. Она никогда не одна, потому что Исток в ней и она часть его. А значит, все, кто её любил, с ней и молятся за неё, посылают ей свою любовь отсюда. А она им. Так и есть на самом деле. Потому что она продолжает любить их каждый день, каждую минуту. Просто человеческие существа так сочинены, просто их мир так сочинён, что постоянно настаивает на двойственности всего. Если есть свет, должна быть тьма. Если есть любовь, должна быть ненависть. Если есть красота, должно быть уродство.

А Вселенная сочинена иначе. Там только свет и любовь. А тьма порождается неверием.

– О чём думаешь? – вдруг спросила она. – У тебя такой взгляд мечтательный и какой-то... Не знаю, как будто ты видишь кого-то самого любимого.

Дед улыбнулся:

– Так и есть. Я вижу вечность и наш общий дом. А знаешь, что я думаю? Всё у вас будет хорошо, потому что так должно быть. Как вы до этого дойдёте, я пока не знаю, впереди у нас много всякого.

– А что будем делать с моим хранителем? – она поднялась и отошла к плитке.

Николай улыбнулся: стесняется всё-таки, как девчонка. Такая необычная, ранимая и трогательная. Как же она его всё-таки любит, и как, должно быть, он любит её. Они такие же, как он сам. Они чувствуют настолько глубже, сильнее, острее, но от этого и больнее, чем обычные люди, потому что они иные. Потому что они знают, насколько истинная любовь в Истоке выше, сильнее и глубже всего того, что смогли придумать или почувствовать люди, заключённые в тюрму своего физического тела.

– С твоим хранителем делать не будем ничего. Сначала тебя вылечим от мирского и вернём тебе понимание того, кто ты, что ты и соединим тебя с Истоком. Потом тебе предстоит ещё встретиться с другими такими же, как и ты, а потом уже ты возьмёшься за своего хранителя.

– Боже, как долго, – горестно выдохнула она, не поворачиваясь.

Она заваривала в чайнике приготовленный по собственному рецепту чай и клубы пара, поднявшиеся вверх, придавали её словам ещё больше нетерпения. Казалось, она сама кипит от того, что не может вот сейчас, прямо сейчас быть с ним и проговорить, прокричать, выяснить, наконец, что это было. Почему с ними так.

Ведьма думала примерно о том же. Когда в юности, когда он так и не решился ничего сделать, она сказала ему, что он её бросил. А он так и не предпринял ни одной попытки наладить отношения. Точнее все они были настолько нерезкими, как будто до этого не было между ними ничего вообще. Как будто они на самом деле поверхностно знакомы. Как будто не было тех ночей на даче Ефремовых. Как будто всё это она придумала сама. Как будто после этого не было длинных разговоров по телефону, пока он стажировался в Москве. Как будто больше не было ещё целого года в университете, когда он, уже выпускник и работающий человек, захаживал на факультет точно без всякого иного дела, как повидаться с ней. Как будто не было болезни и похорон Ильи, когда, они, буквально прилепившись друг к другу, часами не размыкали рук. Как будто всё это было не с ними. А он так ничего не сказал. А он так ничего и не сделал.

– Почему, дед? – вдруг спросила она вслух, прекрасно понимая, что он читает каждую её мысль.

– Видимо, его сон должен быть слишком долгим. У каждого накопилось с прошлых жизней дел и событий, которые нужно доделать и пережить.

– А как же тёмные? Или это всё-таки не они?

– Тут всё играет роль. Особенно учитывая, что мы в преддверии конца света. С одной стороны ваши прошлые долги себе и миру, ваше служение Истоку. С другой стороны ваша земная жизнь, которая не просто опыт в человеческом теле, но и проживание многих и многих эмоций и событий, которые вашу душу кристаллизуют до первоначального чистого состояния. С третьей – тёмные. Им не выгодно уступить свету, ты же понимаешь. Сколько душ во всех мирах тьма вывела из-под влияния Света. Дьявол назовётся Спасителем и поверят в него, а Спаситель будет ходить по земле и не узнают его. Так будет уже совсем скоро.

– Думаю, что он уже здесь.

– Оба здесь, и в этом соль. Только тут даже дело не в конкретном человеке или нечеловеке. А в том, что это всё уже здесь и оно ведёт борьбу за последний день мира.

– Мы хоть выиграем? – улыбнулась она и опустила газа, наливая Николаю заварку.

– Исток знает. На всё воля его.

– Я думаю, что Он не допустит нашей гибели, – она с надеждой подняла глаза на учителя.

– Я тоже надеюсь, что мы победим, но для этого нужно быть готовыми.

– И как они нас нашли? И почему мы их не нашли раньше? – снова спросила она.

– Вы слишком ярко сияли втроём. Ваши три души, встретившись и проникнувшись любовью Истока друг к другу, узнав и признав друг в друге тех самых избранных, такой мощи поле вокруг себя создали, что не заметить вас было бы трудно.

– Но ведь Илья был смертельно болен и он бы всё равно ушёл, его человеческое тело не могло больше... – она не смогла закончить, голос буквально пропал.

Теперь уже её человеческое тело отказывалось произносить слово, которое означало в жизни человека конец всего, а для них, начало чего-то нового. Однако от этого уход Ильи не был менее болезненным, он тоже не хотел умирать, а она не могла его спасти.

– Не могла, – подтвердил дед.

– Так что же?

– Илье пора было заняться другими делами, а вам пора было стать теми избранными, которые нужны Истоку.

– Но Илья мог нам помочь, он знал куда больше.

– Да, ему открывалось иное. Тем более он из первых, монодуш. У него нет, как у вас второй половинки.

– Ого, – удивилась ведьма, – внезапно. Это как?

– Он и ему подобные – едва ли не первое дыхание Истока. А мы, ты, твой хранитель, мы – второе. Мы – архитекторы миров. А они Архитекторы Вселенной, если хочешь.

– Поэтому он такой особенный. Не такой, как мы, чище.

– Конечно. Он великий, мудрый и справедливый учитель.

– Ты знаешь его? – наконец сообразила ведьма.

– Конечно. Для меня он тоже учитель, как я сейчас для тебя. Когда-то он спас меня и я здесь.

– Расскажи!

– Потом. Сейчас я хочу донести до тебя вот какую мысль. Ты должна выздороветь сама, понять, что тёмные вас уже никогда не оставят до самого конца. Они будут пытаться и дальше разрушить твой и его мир и не дать быть вместе. Но если тогда вы отталкивали друг друга, хотя и умирали от боли друг без друга. То сейчас вам предстоит перешагнуть через эту пропасть и научиться быть рядом несмотря ни на что. Тогда вы поймёте, что боль эта мгновенная, что обиды можно проговорить, что недопонимание рождается отсутствием слов, а души видят друг друга и любят друг друга и даже без человеческих глаз и рук. Руки руками, но соприкосновение душ в Истоке куда глубже, это то самое проникновение друг в друга, о котором люди пишут в книжках своих романтических, совершенно мало понимая, что на самом деле стоит за этим потусторонним и каким-то мистическим слиянием с любимым человеком.

– А это оно. Я знаю. Я помню. Я была в этом. Это невероятное что-то. И чем дальше, тем глубже. Ты внутри него, а он внутри тебя. Это такая обезоруживающая любовь и такая нежность, как океан.

– Нежность. Вот то самое верное слово, которое, пожалуй, в человеческом языке лучше описывает это соприкосновение. Люди физиологичны. А любовь и свет – это то, чего руками не потрогать. А они только и есть настоящее. Всё остальное...

– Всё остальное – сон Бога, – улыбнулась ведьма.

– Ты очень близка к истине. В какой-то мере это именно так. Это грёза Истока о том, как могло бы быть. Поэтому Вселенная многомерна, а миров неисчислимо. Просто человеческий мир довольно примитивно устроен по сравнению со многими мирами.

– Мы фиговый мир создали?

– Вы многие миры создали. Они должны быть разными, иначе не будет роста души. Из одного в другой мир, души путешествуют, вырастая и обретая новые глубины, пока не развоплотятся из физического тела вообще и не сливаются с Истоком окончательно.

– Возвращаются домой.

- Да.
- Как я сейчас. Я тут дома и там дома. Как будто тут и там одновременно.
- Так и есть. Это начало.

Глава 12. Чаша вины

– Так с чего начать, дед? – в который раз спросила она.

– С энергии. У тебя она есть, но то мало, то много. Тебя то в энтузиазм бросает, то в пустоту.

– Вот этой пустоты я и боюсь.

– Поэтому тебе всё время что-то делать надо. Ты прямо ни минуты посидеть не можешь. Как будто тебя изнутри что-то подбрасывает.

– Вот точно, дед, – она встала и прошлась по комнате, – прямо изнутри что-то восстаёт и не даёт сидеть мирно. Кажется, я пока в этом аду несколько лет была, сидела сиднем. Не фактически, а где-то внутри себя и пересидела, в общем. Теперь как будто стыдно, что столько лет провела в пустоте.

– Перед кем стыдно? – дед поднял голову от корзины, что плёл.

– Да вот перед тобой, перед собой, перед Вселенной. Ты же говоришь, что я избранная, значит должна нести что-то миру. А что я несу? Ничего. Себя и то толком нести не могу. Вообще не знаю, куда несу, что несу... – она горестно развела руками, подошла к окну и отвернулась.

Дед покачал головой и промолчал. Он знал, что сейчас она минутку поплачет, упадёт где-то внутри себя в свои собственные страдания, а потом начнёт подниматься вверх. Это сейчас её путь. Удерживаться на плаву и не падать она не может пока, как и взлететь. Слишком много боли. И она тянет её вниз, камнем тянет. Она физически сейчас чувствует эту тяжесть. А в душе и подавно. И если раньше эта тяжесть у неё ассоциировалась в основном с проблемами семейными и тем, что она как будто отошла от своего пути, как будто забыла, зачем живёт и что её радует, то сейчас он добавил ей этих знаний о предназначении, и она совсем хандрит. Думает, что если каждую минуту с большим белым мечом не будет сражаться с демонами, то мир погибнет к обеду. Ну или к вечеру точно. А к утру Вселенная забудет о том, что Земля вообще была. И найти равновесие внутри себя и с миром – её основная задача сейчас. Вот только в один день или в один миг это не делается.

Нет такой волшебной таблетки.

Нет такой волшебной палочки, которая могла бы повернуть в одночасье всё на свете к добру, к гармонии, излечить все болезни или очистить землю от мусора. Вот нету. Всё начинается с одного маленького шага. В её случае с осознания того, что пора успокоиться и не надо специально ничего делать. Как только придёт покой и доверие ко Вселенной, мир начнёт меняться.

Она, наконец, отошла от окна:

– Дед, никак не могу собраться. Я всё время падаю в этот морок. В эту боль.

– Тебя гложет вина. Не только за эти годы, вообще за всю жизнь. Тебе кажется, что ты всё делала не так, где ошибалась – всё фатально. Но ты пойми, маленькая моя, это не так.

Он отложил корзинку, поднялся и подошёл к ней. И было в этом жесте что-то неотвратимое, что она почувствовала буквально каждой клеточкой своего тела. Как будто сжалась вся перед неизбежным. А он подошёл, большой и сильный, взял её холодную ладошку в свои большие тёплые руки:

– Ты пойми, дочка, что ты не одна. Ты никогда не была одна. Источник в тебе, во мне, в каждом из нас. Почувствуй, доверься ему. Он всё сделает, как надо. Ты будешь просто идти по тому пути, который он тебе открывает. Ничего не бойся. У него нет плана убивать тебя или кого бы то ни было. Тем более, если он избрал тебя. Ты натыкаешься, борешься и спотыкаешься потому, что идёшь в другую сторону или в бок. Вот представь, что дорога только одна к свету и только она освещена, а вокруг кусты колючие, высотой до неба и тебе надо идти только вперёд.

А ты этих кустов не видишь вообще и каждый раз, как ты сбиваешься с ровной дороги, ты в эти кусты попадаешь, а они с шипами длиной в руку, ветки изогнутые во все стороны торчат и ты с разбегу в них. Боли не описать. А всего-то шаг влево...

– Шаг вправо, – продолжила она, – можно вообще умереть.

– Можно и умереть, но ты опять за своё. Умереть не умрёшь, но застрянешь изрядно. Это да. И пойми, что если тебя Исток избрал, или меня, или кого-то ещё – это не значит, что он ждёт, будто ты в одночасье исправишь мир и дашь всем нужное знание. Так уже было, так уже пробовали. Ни у кого не вышло.

Она нахмурилась:

– Ты пророков имеешь в виду?

– Да многих. И пророков в том числе. Так было не единожды. На каждой планете первородные приходили и пытались просто дать созданным нами существам готовый кодекс, свод правил, завет, как жить. Но всё всегда шло не так. Чтобы душа выросла, она должна расти и набираться разного опыта. Иногда это растягивается на многие тысячи и тысячи тысяч лет, пока она от пустоты и наивности придёт к пониманию Истока, как самого себя, когда сравнится с ним по чистоте и величию, когда научится безропотно принимать и щедро отдавать...

– Я готова отдавать, – спокойно ответила она.

Старик покачал головой:

– Морально, может, и готова. Ты всегда готова последнее отдать. Такова твоя изначальная природа. Вот только ты уже отдаёшь через силу, сверх того, что в тебе заложено. А ты сначала наполнись сама, а потом отдавай. Я тебе говорю, так проще будет и мир не погибнет, если ты сначала себе дашь, а потом людям. У Истока всё расписано. Не от тебя мир в мире зависит. Но и от тебя тоже. За один день Вселенная не сгорит и за два тоже. Мы всего замысла не знаем, но точно знаем, что там, где не готово – битвы не будет. Исток готовит вас не чтобы убить, а чтобы вы выстояли.

– То есть, мы выиграем?

– Этого никто доподлинно не знает. Но я верю, что мы победим. И ты верь. Может быть, когда-то финал и наступит, но, мне кажется, не сейчас. Во всяком случае, я верю, что у нас есть шанс. Я всегда верю, – голос его затих на последних словах почти до шёпота и ведьма явно ощутила какую-то скрытую боль, что за этими словами таилась. И она была не о конце мира, а о чём-то своём сокровенном. Очень личном.

Он слегка улыбнулся, кивнул. Она зарделась. Правильно прочитала его чувства и уловила самую суть.

– Ты можешь, – с улыбкой ответил он. – Я же говорил. Просто поверь и не пытайся ничего делать намерено. Когда позволишь себе быть, жить и чувствовать, тогда будешь видеть, чувствовать и прозреть будущее легко, как будто это такое же обыденное, как слушать и видеть. Вот только видеть и слышать будешь не как люди, а как боги.

– Мы с тобой боги, дед? – чуть помедлив, спросила она.

– Для людей – да. Почти. Изначально мы были как боги, в каждом мире представляя в подходящем облике, жили с ними, учили. Позднее жили как люди, как Иисус, например, или Дева Мария. Потому и несём житейские горести. Чтобы чувствовать, как они, чтобы было полное понимание того, что происходит.

Она бережно высвободила свою руку из его и прижалась к его груди.

– Ну хоть не одна. Не сумасшедшая. Я так рада, что не сумасшедшая, что всё это настоящему. А то я уже устала на свою неуёмную фантазию грешить. То свет вижу, то тьму чувствую, то будущее вижу. Не одна.

Он ласково поцеловал её в макушку и погладил по плечам.

– Ты сильная и вера в тебе есть. Вот в этом хрупком человеческом теле огромная мощь от самого Истока.

– В тебе-то хоть эта мощь видна, – усмехнулась она откуда-то снизу. – Ты вон какой огромный.

– А я богатырь может русский, не заметно, что ли? – он весело рассмеялся.

Она отстранилась и откровенно любовалась его мощью и красотой. Ей казалось, что за те дни, что они провели здесь, он заметно помолодел. Как будто угасал, а тут возродился. Он снова покивал головой.

– Я бессмертный. Но среди людей вечно жить молодым нельзя, сама понимаешь. А так да, я мог и моложе быть.

– А я? – она лукаво улыбнулась.

– Тебе-то куда, – он от души расхохотался.

– Я же девочка!

– Вообще можно. Да ты сама заметишь, когда в Силу войдёшь, что станешь как будто моложе. Свет, когда изнутри наполняет, он всё меняет, даже плоть и кровь. Все мы, по сути, только из света и состоим. Замечала, что как будто в комок сжимаемся, когда страшно или больно, или ещё что?

Она покивала.

– Вот так и тут. Когда свет сквозь тебя проходит, что тебе легко, свободно и радостно. Вот и тело так же, как будто сморщивается всё от страха и как будто всё расправляется от счастья. Я бы сейчас от счастья пошёл на речку, там очень хорошо видно, как всё наполняется жизнью. И вода, и ветер, и земля, и огонь солнца. Иди погуляй с дочкой, почувствуй, как мир радуется всему и найди чему радоваться здесь и сейчас. Наполняй себя, прежде чем отдавать. Иди.

Глава 13. Первые слова

– Деда де? – вдруг раздалось в тишине.

Ведьма едва не подпрыгнула. За все дни, что они приехали сюда, малышка не сказала ни слова. В свои год с хвостиком она и слов-то этих немного знала, но после всех перенесённых стрессов: побега из дома, скитаний по съёмным квартирам, внезапного отъезда из родного города и до самого этого утра, она только молчала и улыбалась.

– Деда де? – снова спросила она, садясь в кровати и натягивая до пухлой мордашки одеяло из лоскутков.

Ведьма неторопливо встала и подошла к малышке, погладила её, поцеловала в щеки, в нос, внимательно посмотрела в глаза. Они тоже как будто стали другие. Малышка, как и она сама, потихоньку оттаивала, видя вокруг столько хороших добрых людей и маму, которая всё реже плачет и всё больше времени проводит с ней.

– Деда де? – ещё раз спросила она.

– Деда в лес пошёл за ягодами для тебя. Сказал, что скоро земляника поспеет, надо проверить. Если выросла, то вместе пойдём ты, я, деда и Снежок.

– Сижок ушёл?

– Неа, он дома, на крыльце сидит. Хочешь позову?

Малышка радостно заёрзала и захлопала в ладоши.

Ведьма, всё ещё пребывая в лёгком радостном шоке, пошла в сени, открыла дверь:

– Иди-ка сюда.

Снежок с минуту медлил, оглядываясь на лес, и переминаясь с ноги на ногу.

– Заходи, тебя малышка ждёт. Пойдёшь к ней?

Снежок активнее завилял хвостом и степенно вошёл в дом.

– Сижок, Сижок, – закричала малышка.

Пёс подошёл к кровати и положил свою большую голову на одеяло, мелкая упала на него всем своим весом, вцепилась в шкуру пса и радостно захохотала. Ведьма кинулась на помощь собаке, потому что понимала, таких вольностей он никогда не видел, да и больно это, за шкуру, наверняка. Она поставила малышку на пол, на тканые половики. Та снова обняла пса, но уже деликатнее.

– Ладно, дети, – сказала ведьма, – я пойду кашу варить. А вы не балуйтесь.

Вот тебе и ещё одно подтверждение тому, что всему своё время и своё место. Иногда с места сдвинуться не можешь и ничего не делается. А иногда начинает делаться, когда сам с места сходишь. Как будто в этой точке и не могло ничего случиться. А в другой портал открылся и понеслось. Вот тебе тайные знания, вот тебе вечные инопланетяне, вот тебе друзья широкой души, вот тебе первые слова, шаги и осознание всего и вся в мире в совокупности и неделимости.

Ведьма не переставала улыбаться и недоумённо качать головой. Каждый день на неё обрушивался такой вал информации, знаний, чувств, мыслей, идей, впечатлений, что она и не знала, какую мысль раньше думать, какую позже, какое чувство пускать в глубину и сразу, а какое сначала поразглядывать со стороны, посмотреть, потрогать и только тогда решать, сживаться с ним или нет.

Она вдруг отчётливо слышала шлепки босых маленьких ножек по деревянному полу и обернулась. Зрелище было впечатляющее. Струящийся через окна яркий солнечный свет проникал глубоко в дом. Малышку и белого огромного пса он укутал в золотистое невесомое облако. Маленькая блондинка с пушистыми после сна длинными волосами и лохматый гигант словно сами выпускали это искрящееся свечение и выглядели, как живое воплощение всего,

что она узнала за эти короткие и насыщенные дни об Истоке. Это нечто неизведанное, манящее и тёплое, родное и любимое, это что-то про семью и истинное предназначение, про абсолютную любовь и свет. Про любовь. Она протянула руки к дочке. Та Снежка не бросила. Крепко держась двумя руками за его ошейник, она весело затопала ногами. Пёс медленно шагнул вперёд и она сделала шаг за ним, потом ещё один, и ещё. Снежок учил её ходить и не бояться.

До сих пор всё хождение заканчивалось довольно быстрым падением на попу и удивлённым взглядом. Со Снежком же рядом малышка улыбалась до ушей и румянилась от счастья. Ей определённо нравилось это вертикальное положение и возможность быть там, где она хочет. Ведьма перевела взгляд на пса. Он гордо и высоко держал голову, медленно и красиво поднимал лапы. Цирковой номер, да и только. Ведьма присела на колени на пол, чтобы поймать малышку, если она вдруг бросит пса и попытается пойти сама, но та и не собиралась заканчивать с упражнениями по ходьбе. Она чуть привалилась к псу, и тот отвернул, поменял направление. Пара медленно и уверенно обошла ведьму. Та удивлённо повернулась им вслед. Малышка тихонько попискивала от удовольствия и что-то шептала псу на совершенно непонятном малышовом наречии.

– Я как будто в сказку попала, – развела руками ведьма.

Она поднялась и снова недоумённо покрутила головой. Столько всего и сразу. Каждый день преподносит столько всего. Как тут пустой ходить? Вот оно – наполнение. Хоть с одного края, хоть с другого. Просто не надо падать во тьму. Вот и дед говорит, что контроль должен быть эмоций, мыслей, чувств. Умей вычленять главное и на главное смотреть пристальнее, не пускать ничего дурного в голову, вовнутрь, вообще не пускать ничего чужого, злого и жестокого в голову. Весь ориентир на счастье и радость.

И как тут по-другому быть? Вон сколько всего: дед чудесный, дом великолепный, малышка пошла и заговорила, людей столько интересных в округе. А за дверь выходишь – настоящая сказка. Чистейшая природа, нехоженный лес, воздух прямо вкусный и солнце встречается на пороге каждое утро, а на веранде сзади дома провожает. Как будто специально так дом сделан, что и так можно зайти, и так в него. И всё по солнцу. И целый день солнце только что не полным кругом ходит от окна к окну. Всегда ты на него посмотреть из дома можешь, всегда в его лучах быть, всегда согрет и обласкан.

– Всегда в его лучах, всегда согрет и обласкан.

Она вышла за девочкой и собакой на крыльцо под лучи утреннего, но уже жаркого солнца. Собака и малышка уселись на ступеньках. Она села рядом, постелила на колени полотенце и поставила деревянную миску с кашей и ягодами.

– Красиво, да? – сказала она вслух.

– Да, – уверенно ответила малышка. – Ай-ай!

– Что такое? – удивилась ведьма, не видя никакой причины для панического «ай-ай».

– Ай! – настойчиво скомандовала малышка и протянула руку за кашей.

– А, дай! Держи, – сообразила ведьма.

Вот и ещё одно слово. Вот и зазвучал человек, проснулась душа для мира и любви. Она поцеловала пушистую головку, вкусно пахнущую чем-то зефирно-карамельным, потрепала по голове Снежка.

– Пора. Пора вставать и просыпаться. Где же ты Исток? Я так уже хочу про тебя всё-всё знать и чувствовать тебя.

Глава 14. Небо

Пока деда не было дома, она рассортировала все вещи, что привезла с собой, полистала бабушкины тетради и свои записи. Кое-что уже не помнила совсем, другие записи читала, словно в первый раз, хотя и откликалось что-то, но она помнила это иначе. Порой она роняла голову на стол, чувствуя себя то непроходимо глупой, то от наивности описанного там. Где во всём этом смысл, сила, правда и что из этого на самом деле работает, а что нет?

То, что говорил дед последние несколько дней, вообще никак не монтировалось пока в её Вселенную. Она понимала, бабушка научила её тому, что умела сама, а у неё совсем другие дары и что с этим теперь делать?

Дед не торопит, скорее наоборот, осаживает её скачки, потому что по факту она сама на себе скачет, себя хлещет, как непослушную кобылу, а начинать, видимо, надо откуда-то совсем из глубины и не стараться прыгнуть выше головы. Только вот что тут в основе, а что нет?

Нужны ли вообще все эти бабулины побасёнки или нет? Работают ли эти слова?

Екатерина рассказывала про силу слова, про колебания и про всё такое. Это и наука доказала. Но что теперь скажет Николай? Теперь она слушала его, как истину в последней инстанции.

Пока собиралась ехать, пока искала себя и пока думала, кто же она в этом сложном мире, она долго бороздила Интернет. Как жаль, что ничего раньше такого не было. Своих она не нашла.

Зато форумов множество самых разных, где люди тоже искали каких-то знаний. Особенно популярны ведьминские сайты были. Их она скорее читала, как комиксы. Мало что они имели общего с тем миром, который видела она, который исследовала её бабушка и уж совсем ничего общего с тем, что говорил Николай.

Зато более высокого уровня литература духовного свойства уже намного ближе стояла к тому, что она услышала от Николая всего за две недели.

И он говорил, что знания разбросаны везде и собрать надо все крупинки, понять, что и зачем в этом мире вообще произошло, почему и для чего. И только когда все эти стекляшки разбитого зеркала соберутся, тогда она и поймёт, что как.

Она проверила, спит ли малышка и вышла на улицу.

Летнее ночное небо было не такое беспросветное и чёрное, как зимой. Оно отдавало синевой и светлело уже на востоке.

Звёзд было такое море, что и не описать словами. Она вышла из-под сени огромного дуба и задрала голову вверх. Хотелось взлететь. Всегда хотелось взлететь.

Земля – пылинка в космосе. Всё это невообразимое, огромное, непреодолимое за всю человеческую жизнь создано им, Истоком, единым Творцом, всего величия которого не понять. Они какие-то избранные им для чего-то. От этого тут невогнута, но очень хочется в то же время всех спасти и согреть. От этого им плохо, больно, но от этого же им хорошо и так глубоко чувствуется вся эта красота и невообразимое совершенство всего в этом мире: света далёких звёзд, росинки на траве, детского смеха, поцелуя любимого, красоты водопада и волшебного совершенства радуги в летний дождь. Всё это невероятно и одновременно просто. Просто прекрасно и просто невероятно.

Так сложно, так просто. Всё создано им, чтобы множить любовь. Всё создано им и дано людям, чтобы они видели, как совершенно Творение. Как совершенно всё в мире.

Так откуда тьма, откуда болезни, боль, смерть и страхи? Откуда в людях берётся жестокость, месть, злоба, зависть и всё вот это вот, что рушит миры? Откуда в совершенном мире снова и снова возникает тьма?

Ведь темнота космоса – это не тьма, это всего-навсего пространство между одним солнцем и другим. Нет там чёрного ничего, доказано. Во Вселенной столько света, что вообразить сложно. Никуда там не спрячешься от света и воли Истока. И тут не спрячешься. Она тут наоборот как на ладони у Творца в полный рост со всеми своими страхами, со всем своим несовершенством. И Николай говорит, что она всё равно дитя Истока и он её любит в чистоте её, он не видит в ней изъяна, как не видит изъяна ни в ком из своих детей. Они все для него равны, покуда в них есть живое семя жизни, пока они его не отдадут в обмен на посулы тьмы. Отдадут живую душу. Как он это чувствует? Как будто от него кусок отрывают? Это же неизбывная боль, когда твоё дитя предаёт тебя, уходя на ту сторону? Как он закрывает эту боль, что остаётся в этом месте? Ведь столько людей и не-людей на всех планетах многомерных Вселенных однажды переходило на ту сторону? Как он не погиб вообще от этой боли? А она тут просто свою боль столько слов наговорила. Ерунда какая.

– Ты прости меня, Творец, что ничего не понимаю пока, и ничего не знаю. Я буду учиться и буду слушать деда внимательно. Ты учи меня, только как-нибудь нежно. Я так, как раньше, больше не хочу и не смогу. Я вся твоя, всей душой готова служить Свету и Любви. Только пусть всё будет хорошо и у меня, и у моих близких. Из Любви идти куда проще. Я переболею, я вылечусь. И себя попробую простить, и всех, только будь во мне и будь рядом. И пусть будет дед здоров и силен, и помоги ему тоже. У него тоже в сердце боль. Пусть у него будет Любовь в сердце. И сохрани мою малышку и моего любимого. И Снежка. И всех-всех.

Она улыбнулась, по щекам текли тёплые солёные слёзы. Она точно знала, что где-то там далеко-далеко в глубинах Вселенной есть нечто, что творит всё и вся. Где-то он её определённо слышит, где-то её любовь соприкоснулась сейчас с его любовью. Она точно знала, что однажды он ответит. И как когда-то много лет назад она отчётливо услышала слово «Дом» где-то внутри себя, в своём сердце, в своих мыслях, она услышит голос Истока и это будет то самое – «дом», это будет о любви. Это будет как объятия живых родителей, только намного лучше, потому что там будут все сразу: родители, Илья, бабуля, Мария Григорьевна, дедушки, которых она не помнила и все-все, кто её любил когда-то и кого любила она. Весь Род, все предки, с которыми она одновременно соединится, чтобы умножить любовь во Вселенной, чтобы никогда не было смерти, никогда не было войн, никогда не было тьмы.

Глава 15. Просто дыши

– Почему Исток создал людей такими несовершенными, – ведьма посмотрела на царапины на руке. То болит что-то, то хвост отваливается. Тело – вещь не очень удобная и много за ним ухаживать надо. Уж не говоря о том, что на этой планете как будто для нас места нет. Мы тут лишние. Мы тут не можем толком выживать, если не в домах, не обеспеченные всем и вся.

Дед покачал головой, как будто не до конца соглашаясь.

Ведьма только тяжело вдохнула. Она снова принялась за картину. Но что-то шло не так, как будто муза тоже была ею недовольна и не пускала ни дописать, ни испортить картину.

– Так зачем Исток создал людей такими кривыми?

– А он их не создавал.

– А кто?

– Мы.

– То есть как мы?

– А так. Исток создал великие души, а они уже придумали людей.

– Зачем?

– Чтобы умножать Свет и накопить массу светлых душ для рождения следующего мира.

– Подожди, то есть люди не созданы богом?

– Почему же, люди созданы богами.

– Но не верховным Творцом? То есть он не в курсе?

– В курсе, конечно, всё по замыслу его. Не изволь сомневаться. Просто замысел его причудлив и не всегда нам понятен.

– Я просто в шоке. Я думала, что мы все дети его, а мы внуки.

Николай расхохотался.

– Дети, дети, не переживай, мы все дети, как ни назови. Он творит всё из Себя, поэтому мы и есть Он.

– Всё твоё отмерено только для тебя. Ты можешь лениться, ничего не делать и лежать хоть дня три. Да хоть неделю лежи. Слушай, что внутри тебя происходит. У редкого человека, у которого совсем мозги заплывли, ничего в этот момент не происходит внутри. Всех что-то гложет. А вот ты накапливай силу, звучи внутри, слушай себя, куда тебя ведёт, зачем тебе эта тишина сегодня, не поднимай себя силком с кровати, не заставляй ничего делать, не плоди вину. Всему своё время. Даже грязная посуда от тебя не уйдёт и полы немытые. Никому они не нужны. Когда придёт ресурс, ты всё это за 15 минут сделаешь, без чувства вины. А когда с радостью, сама знаешь, пространство звенит счастьем. Ты за эти 15 минут уборки в радость произведёшь добра и света больше, чем можешь себе представить. Всё делай в радость, вот абсолютно всё.

– И картина у меня сегодня не выходит. Я уже устала. Я замучила полотно. Я замучила краски и замучила себя.

Она с интересом и некоторым недоверием склонила голову, как будто спрашивая: «Вот точно всё? Прямо всё-всё?»

– Вот прямо всё-всё, – ответил он её мыслям. – Вспомни жития святых, например, хоть древние, хоть новые. Вот они умели каждое дело видеть через призму пользы другим людям и роста своей души от любого труда. Бог дал для чего-то. Надо принять, понять, пропустить через себя. Так вот, когда в тебе это понимание накопится, что пора вставать, иди и делай. На самом деле это медитация ничегонеделания, она может быть в любом месте, даже когда ты машину ведёшь. Процесс этот не прямо зависит от наличия движения или его отсутствия, тут важно, насколько глубоко ты погружена в исследование себя в этот момент и насколько

чётко ты слышишь, что и для чего тебе сейчас даётся. Но остановиться и вообще ничего не делать, если не можешь услышать или по какой-то причине этот процесс затруднён, это как раз отличный способ наладить связь с Высшим и обрести устойчивый поток. Ну так вот, встала и пошла делать. Быстро всё сделала, отдала миру, приняла в себя полученный дар, наполнилась. Ты сама увидишь, как вовремя придут дела, люди, события, чтобы тебя наполнить и вести дальше. Иногда эта тишина нужна именно такая, тотальная, когда в мир входит что-то большое и новое, и твой внутренний мир как будто готовится к тому, чтобы встретить Исток ещё полнее, ещё больше и глубже войти в него. Ты сама потом удивишься, как много уйдёт и насколько больше придёт. Сейчас из твоей жизни должны уйти, боль, недоверие, токсичные отношения, ненастоящие друзья, страхи и обиды, постоянное чувство вины за что-то не сделанное для себя, для других, для дитя. Пойми, дитя особенно много сейчас от тебя и не надо. Самое главное, твоя любовь и наполненность, чтобы ты могла ей отдавать, прежде всего. Теплом, любовью, радостью, общением, играми, объятиями, теплотой и уютом, что создаёшь вокруг, вкусняшками, что готовишь, любящим взглядом. Ты, может, забыла это замечать, но ты это умеешь и делаешь. Просто ты как будто стесняешься того, что в тебе женщина живёт изобильная и плодородная. Ты не куст с яблоками, не мешок картошки. Ты как река, как лес, как горы, как вся мать-Земля, ты как всё сразу. Большая. И это внутри тебя, оно большое и оно хочет выйти наружу. Отдавай и получай взамен. Это нескончаемый поток. Вот только отдавать до конца и через силу не надо. Помни, что ты у себя главная. Ты одна. Поэтому лежи хоть неделю. Наполнишься, найдёшь в себе силы идти и делать, иди. Нету сил – лежи дальше. Только мыслей в голове не должно быть, типа вот лежу, а дед там сам тарелку моет. Дед вечный. Он от мытья тарелки не сносится, этих тарелок за вечность помыл триллион и вырезал из липы миллион. Тут уж смирись, моего рекорда тебе никогда не побить.

Она наконец улыбнулась и покачала головой, закрыла лицо руками.

– Что? Простые вещи говорю? А как будто первый раз слышишь?

– Да, именно такое ощущение, что как будто первый раз слышу. Да ты ещё и сегодня говоришь, не как старик древний из леса, а как Илья совсем, как молодой.

– Что ж я с людьми не общаюсь? Или телевизора вашего не видел? Книг не читал?

– Ага, ага, – она охотно закивала. – Вот вроде фраза эта расхожая, что сначала надо себе маску в самолёте надеть, потом ребёнку, а вот до дела доходит, сначала всё ей отдаёшь и думаешь про её безопасность, потом про свою.

– Так-то тоже понять можно, она младенец. Она без тебя вообще сейчас ничего не может. Так что ты не кори себя, не переживай. Я тебе говорю, ей много не надо сейчас. Родители дитё стараются игрушками завалить, а ему любовь нужна, внимание, учить его миру, жизни, всему на свете. У Истока и на это есть ответ, он каждому даёт что-то своё в жизни, но дать свою любовь можешь только ты сама. Ты же не хочешь, чтобы твоё дитя воспитывал кто-то другой?

Она быстро помотала головой.

– То-то же. Когда Исток пошлёт тебе дело и событие, ради которого пришла энергия, ты поймёшь. И отдай её именно тому делу, на которое она пришло. Будет всегда что-то выталкивать, что-то тянуть или звать на что-то другое. Но со временем ты поймёшь, что так сопротивляется твоё тело, привыкшее жить скованным и даже страдать. А поток из Истока – это очень мощная сила и она наполняющая. Людям очень сложно жить постоянно наполненными. Они постоянно силу и энергию сливают или глушат алкоголем, успокоительным, курением. Глушат и глушат. Выскакивают намеренно из того состояния, когда хорошо. Потому что он него вставляет, как у вас сейчас говорят, куда больше и глубже, но позитивнее, чем от водки. Люди не умеют жить в добре и благодати, смеются над этим, смеются над людьми, которые узрели бога, над всем светлым. Так вот, потом ты поймёшь, на что пришлось энергия, что от тебя хочет Исток, он точно тебе покажет, потому что потянется душа, и руки, и глаза или ноги понесут тебя гулять, к примеру. Потом ты вернёшься. А ты ходила смотреть красоту матушки-Земли

и принесла это с собой домой, и теперь будешь творить из этого состояния красивое и дарить миру. И вот это будет главное, это будет ровно то, что тебе Исток отмерил. Ничего твоего он не даст другому, тебе отмерено твоё, просто доверься всем сердцем и если ничего не происходит сегодня, значит, сегодня и не должно. Спроси себя, для чего тебе сегодня эта эмоция, это дело, эта плохая погода или хорошая, что тебя может сегодня радовать, что тебя огорчает и для чего это тебе и куда оно тебя ведёт. Три уровня возьми и смотри на них: что ты думаешь о себе, что ты думаешь о других, что ты думаешь о мире вообще. И восстанови контакт с телом, танцуй, я ж тебе говорю. Баня вот для чего стоит, что ты в первый день делала и как тебе было?

– Как заново родилась из неё.

– О чём и речь. Люби себя, полюби себя и в тебе будет ещё больше ресурсов, чтобы полюбить всех. Без осуждения, без страха. Где страх, там нет любви. Твоё тело – это твой личный космос.

Глава 16. Всё по кругу

Ведьма раз за разом пыталась написать письмо от руки своим коллегам на работу, чтобы Мира нашла возможность прислать ей всё нужное и чтобы узнать как там он, не ищет ли её с бешеными собаками, не закрыли ли фирму за какие-нибудь несуществующие грехи.

Она снова и снова комкала листочки, бросала их через всю комнату.

Деда два дня не было дома и она, понимая, что он не будет её ругать, позволила себе немного попсиховать и побуяннить.

Слова никак не складывались в то, что она хотела спросить, как просить и почему именно это её интересовало на данный момент. Кроме фразы: а не сдох ли он там случайно? – спросить не хотелось вообще ничего. Это была правда. И это её ещё больше бесило.

Дед деликатно и раз за разом проходил по одним и тем же её болям, пытаясь научить её понимать, что с ней происходит, проговорить, прожить и выбросить всё из своей жизни, прежде чем открыть дверь в новую жизнь и поселиться там навсегда, навеки.

– О, я смотрю, ты в писатели подалась, – внезапно услышала она голос деда, замахнувшись комочком в стену напротив.

Она подскочила, залилась краской, заметалась по комнате, собирая бумажки. Дед приклонился к дверному косяку, скрестил руки и наблюдал этот приступ чистоты.

– Всё, – наконец выпалила она, но один комочек предательски выпал из рук. Она наклонилась поднять и несколько комочков тут же ретировались обратно на половик.

– Да чтоб вы живы были, – сердито бросила она на пол всё остальное.

Дед посмеивался в усы, всё также стоя в дверях:

– Успокоиться тебе надо. Суетишься очень.

– Не могу. Я злая на всех. Мне обидно, больно и очень-очень-очень сильно больно, – она села на колени на пол, медленно снова собирая бумажки с пола.

Подступали слёзы. Что-то никак сегодня не получалось собраться.

– Простить тебе их всех надо. Вообще всех и за всё, тогда силу обретёшь настоящую. Да и вообще гнев, страх, обида – это мусорные чувства, застилающие глаза и мучающие душу.

Он подошёл и сел рядом на пол, помог собрать комочки.

– Я не могу, – она вытерла слёзы. – Как такое простить можно, если таких просто на роду душить надо?

– Где-то я с тобой согласен, но всё уже прошло, поэтому тебе нужно просто простить их и передать их в руки Высших Сил.

Ведьма внимательно посмотрела на деда. Он просто кивнул.

– А как? – тихо спросила она.

Дед тяжело вздохнул:

– Надо простить и прийти к битве с холодным сердцем, чтобы разумно распорядиться Силой и выиграть. Чтобы страх, гнев, ненависть и старые обиды не застилали глаза. Чтобы, когда среди армии тьмы увидишь лица врагов, не впасть в гнев и не вспылать мстостью, потому что это будет провал. Это будет тот самый момент, который разрушит всю подготовку к битве. Личная месть, личные проблемы, страхи и прочее отвлекут от настоящего врага и от сути битвы. Пока ты или я будем биться с проданной душой своего личного врага, настоящие злодеи захватят мир. Суть не в победе над отдельной личностью, которая оказала негативное влияние на ход истории, а в общей победе. Собака лает, караван идёт.

Ведьма снова высыпала комочки на пол и села поудобнее.

– Это очень глубоко. Надо переварить. Холодный ум. У меня сейчас котёл кипящий в голове, в сердце. Я вся в огне.

Дед согласно покивал головой:

– Есть нюанс, милая моя. Тебе себя надо простить. Себя в первую очередь ты винишь, что не разобралась в людях, не увидела, что предала себя, дочь окунула в этот ад, что друзей могла подвести, что Силу свою забыла, что сдалась почти. Простить надо не столько своих врагов, сколько саму себя. Ты ведь себя больше обвиняешь, чем их.

– Но почему же я этого не видела всего? Как могла так фатально ошибаться?

– Ты светлая душа. Это нормально. Ты видишь свет там, где сами люди и не подозревают о существовании в себе изначальной искры, семени Истока, который их и породил из себя. Все от него. Но не все с ним. Исток – это свет и любовь и, когда человек сам внутри чист, то он и других людей видит чистыми. Как душа душу. А всего наносного не то чтобы не видишь. Ты прощаешь, ибо человек – существо смертное и подверженное массе всяких сложных эмоций. Ты-то думаешь, что все такие же чистые, добрые и видишь в других только хорошее. Но есть другие люди, которые прямо-таки порождение тьмы и они ничего хорошего в других не видят. Что с их искрой происходит и почему она так глубоко спрятана в глубинах тьмы, сложно понять. Это либо молодые души, либо заражённые тьмой намеренно. Они слабы и не могут противостоять тьме. Их стремление к свету не абсолютно. Они больше заботятся о насущном, о физическом. Они не понимают, что душа вечна и её вечность зависит от каждого движения сегодня, здесь и сейчас. Они или завидуют тебе, или ненавидят. Или открыто, или молча, или в глаза гадят, или за спиной.

– А я им всё раз за разом шансы даю, верю во что-то...

– Не ты плохая. Ты должна простить себя за то, что тратила на них время, что не распознала в них тьмы, не оградила себя от них, растратила время, силы, Силы Света на помощь тем, кому она не нужна была. Это твоё скрытое желание, первородное, спасти загубленные души и вести их к Свету. Поэтому всё так. Просто такие люди ослабляют и защиту, и веру в себя и когда таких много, это как зонтики в дождь в толпе. Там, может, и дождя уже нет, но неба ты не видишь, они загораживают его зонтами – и тучи, и солнце – и ты просто идёшь в толпе всё время с кем-то этими зонтиками цепляясь, всё время встречая препятствия и всё, что ты видишь – озлобленные рожи, грязь и лужи под ногами, сырой спёртый воздух в толпе. Негатив один, короче. И только. А стоит понять, что дождя нет, тут же захлопываешь зонтик и пытаешься подальше его убрать от себя. Вдыхаешь этот свежий после дождя воздух, и вот уже лужи отражают небо и солнце искрится в последних каплях дождя и внезапно его лучи греют и обнимают. Рож противных нет. И толпа всегда рассеивается, всегда. Это магия какая-то, но как только появляется солнце, места на улице становится больше. Хотя куда логичнее было бы, если бы люди выходили из домов ему на встречу. Как будто часть этих зонтов и есть сама тьма. Всё возвращается, девочка моя. Добро – добром, любовь – любовью, нежность – нежностью, а зло – злом.

– Что-то я не дождалась любви от мужа, – горестно ответила она.

– Глупая ты временами, что твоя кошка. Любви не ждут. Её даруют небеса. Всё predetermined, дочка, и никто не обязан тебя любить. И ждать тут нечего. Он не твой человек. Он твой демон. Воплощение всех твоих страхов. Абсолютно всех.

– Он – мой персональный ад, – согласно покивала головой ведьма.

– Вот и выходи из этого ада на свет. Тебе зачем там сидеть? – развёл руками дед.

– А как? – она снова вытерла слёзы.

– Для начала перестань о нём думать хотя бы. Ты здесь в безопасности, а пока ты о нём думаешь, ты всё время эту связь упрочиваешь, как будто сама канат выёшь между вами. Иными днями я не вижу почти связь на тонком плане между ним и тобой, а иными днями вижу просто тебя всю канатами, как на старинном корабле, обвитую. Понимаешь? А всё от того, что ты сама думаешь: я плохая и между нами ещё есть связь. А нету уже ничего, он тоже про тебя

думает, если знать хочешь. Но чаще о том, что он жалкий и никому не нужный и все вокруг ужасные и никто его не любит.

Ведьма удивлённо вскинула брови.

– Да, жалеет себя изо всех сил. А ты туда льёшь свой свет, сколько тебе хочется. Ты его лучше тут побереги. Тут тоже есть, кому помогать и куда Силу приложить.

– Пирогов напечь? – чуть улыбнулась ведьма.

– Тоже дело, но я про то, чему тебя бабуля учила. Вспоминай давай, и приступай к лечению. Вон старушек сколько в деревне. Им нужна девичья рука и девичье сердце. Привезла же с собой бабулины записи?

Ведьма покраснела.

– Да я знаю, ты же понимаешь, – дед погладил её по голове. – Вот доставай, посмотри, что там у тебя от древних предков осталось, подправим, я подскажу что. Травки ж ты знаешь? Вот. Будешь чаёк делать, настойки, отвары, мази. Сейчас самое лето. Займёшься работой и снова всё наладится. Рисуй, записывай, думай только о себе и своём наполнении. А о том, что было, думать поменьше надо. Это мы с тобой пройдем вместе, переживем, я тебя не брошу. Но прямо тонуть вот так в соплях не дело. Так только хуже. Так ты свою карму не исправишь и предназначение своё только дальше откладываешь. А чем дальше, тем хуже. Поэтому, чем быстрее ты полностью примешь, кто ты и что ты, тем быстрее Исток тебе руки протянет и пойдёт наполнение и изобилие. И ты не переживай, ты и тут можешь деньги зарабатывать, вижу в тебе эти сомнения. Ты не за просто так тут живёшь. Я тебя ждал и мне не тяжело. Но если тебе надо, то деньги сами придут. Ты, как только осознаешь, что это твой путь и твоё предназначение уже исполняется, так увидишь, что они и тут тебя нашли и зарабатываются сами. За твои знания и твоё душевное тепло люди отдадут тем, что имеют. В этом бренном мире платят деньгами. Так что хватит валить все грехи в одну корзинку и все страдания в один котелок. Давай вставай, – дед подтолкнул её, – пироги я люблю. Я ягод принёс из леса и травок. Пойду разложу сушить травку, а ты давай сполосни ягоду и пирог затей. Сейчас печку подтоплю. Не замёрзли тут без печи ночью?

– Неа, я тут сплю, как ангелочек каждую ночь. Редко что-то снится, поверхностное и непонятное, но не мешает. Пирог сейчас испеку, я на самом деле тесто уже поставила, хотела сама попробовать, но боюсь.

– А ты не бойся. Иди свой путь. Он широкий и светлый. Исток тебя хранит.

Глава 17. Душа с душой

Ведьма заказала в деревенском магазине с доставкой ещё несколько упаковок акварельной бумаги, клеи, карандаши, фломастеры, цветную бумагу и ещё кучу всякой канцелярии для того, чтобы зарисовывать, записывать и каталогизировать всё, что ей попадалось в домах местных жительниц. Ибо они были бесконечно рады перетряхивать свои ветхие гардеробы и рассказывать заезжей художнице о бусах и вышивке невообразимой старины, доставшихся им от прабабушки, а той от её прабабушки. Причём сами эти старушенции выглядели так, как будто жили тут ещё лет триста назад.

Она завернула пирог в холщовое полотенце, положила в корзинку, сверху аккуратно опустила пучок трав, что дед оставил. Для чая.

Что ещё? Покрутила головой и заметила на столе альбом и свежий набор акварелей, которые она приготовила и совсем забыла про него. Она не знала, есть ли у Натальи дети, у деда не спросила, но надеялась, что ей, как художнице, они всё равно сгодятся.

– Пойдём? – она кивнула дочке.

Снежок поднялся первым и малая встала, держась за его ошейник.

Так они и пошли в гости к местной художнице Наталье.

Ведьма осторожно постучала в дверь и на шаг отступила.

Малая и Снежок терпеливо ждали.

Послышались торопливые тяжёлые шаги, дверь широко распахнулась.

Через порог перешагнула среднего роста полноватая девушка в синей юбке с частым белым узором, голубой рубашке и сбившемся набок платке.

– Добрый день. Вы те самые постояльцы деда? Не сильно-то вы на ведьм похожи, – серебристо рассмеялась Наталья. – Заходите, знакомиться будем.

Ведьма не успела вставить ни слова. Наталья уже подталкивала в дом и малую, и Снежку.

– Ничего, что мы с собакой? – наконец сказала она.

– Я вижу, они друг без друга не функционируют, – улыбнулась Наталья, показывая коротким синим пальцем на ошейник Снежка, за который, стиснув кулачок, держалась малая.

– Ну да, он её научил ходить, – извиняющимся тоном ответила ведьма.

– У деда классный пёс. Вообще собаки отличные всегда. Как будто люди на четвереньках. Правда, даже в моём детстве, помню, все как один такие были. Даже в газете писали как-то, что собака деда одна спасла двоих ребятишек на речке, под лёд провалились, ты прикинь?

– Ого, – только и вымолвила ведьма.

Наталья протянула синюю руку:

– Наталья, ну да ты знаешь. Художница. Родом отсюда. Вернулась после учёбы, занимаюсь местными промыслами.

– Я так и поняла, – улыбнулась ведьма, смело пожимая синюю руку. – Я как раз к вам учиться. Я дизайнер. Занимаюсь интерьерами. Ищу вдохновения, так сказать. Гостинцы вот принесла.

Наталья кивком поблагодарила и приняла корзинку двумя руками:

– Благодарю, коллега. Как раз перекур сделаем, чайку попьем и познакомимся. Дед исключительные сборы делает. Вот что в музей надо. Деда. Уникальный человек. Просто волшебник.

– А вы его давно знаете? – спросила ведьма, проходя с семейством на кухню.

– Кроха, хочешь конфет? – наклоняясь к малой, спросила Наталья. – Не бойся, я из яблок пастилу делаю домашнюю, чудо просто, сейчас наедемся. Будешь? – спросила она у девочки.

Та застеснялась и уткнулась носом в Снежку.

– Правильно, тётка чужая, мало ли что предложит. Молодец. Подруга, пойдём достанем твой пирог. Уж очень он вкусно пахнет.

Чай из дедова сбора вышел чудесный. Казалось, в большом глиняном чайнике с объёмным драконом раскрылось всё его волшебство.

Ведьма медленно поворачивала чайник по кругу, разглядывая дивного зверя.

– Это мы с Яриком купили в Китае. Я не сразу дошла до жизни такой, – Наталья повела рукой вокруг. – Я ж в Москве училась. Там полно всяких псевдоучителей. Наслушалась. Помчалась с дружбаном в Китай, на Тибет, истинных знаний искать. Не нашла, как ты понимаешь. Зато один молодой и прогрессивный монах-переводчик познакомил нас с очень древним дедом, который у них там типа святого. Там к нему все местные постоянно приходят, кто про животину спросить, кто про детей, кто про что. Такая дыра, скажу тебе. Господи, как они там выживают? Если только верой в то, что после смерти будут жить в самом райском месте рая, иначе там просто свихнуться можно. Холодно и жрать нечего. Пустые холодные горы. И всё. На сотни километров. Ну, так вот, этот дед, сказал, что в больших городах благодати нет, надо быть ближе к земле и что нельзя менять веру, в которой родился. Типа, это карма. И надо её, ну как это? Реализовать, что ли. В общем надо исполнить своё предназначение там, где родился. Понимаешь, лап, меня как током шарахнуло, веришь, волосы дыбом встали. А волосы у меня тогда довольно короткие были. Это я отрезала перед Тибетом, потом-то собиралась побриться налысо и медитировать. Ну, привыкала.

Ведьма уже была влюблена в Наташку, казалось, такую подругу она искала всю жизнь. Ироничная, весёлая, без заморочек, простая и честная. Гордая и красивая. Точно знает, куда идёт. Душа нараспашку. Сердечная, это так хорошо заметно. Даже если даром не пользоваться.

Наташка подлила ещё в глиняный чайник горячей воды, по кухне поплыл горьковатый и медовый одновременно аромат дедовых трав.

– В общем, хотела я остаться в монастыре и ждать, когда меня какое-нибудь просветление торкнет. Когда домой приехала сюда, поняла, что там и торкнуло. Дед этот, веришь, лап, что сморчок и цветом такой же. Городская, ты хоть знаешь, что такое сморчок? – иронично спросила Наталья.

– Тоже мне, гуру, наезд не засчитан, – в тон ответила ведьма и расхохоталась.

– А подишь ты, – серебряными колокольчиками звенел Наташкин смех.

Малая тоже смеялась. Весело прыгал вокруг стола Снежок. Наталья ласково потрепала его по башке и сунула кусок пирога со своей тарелки в его розовую пасть.

– Хорошо, что вы пришли. У меня с утра что-то с красками не клеилось, то одно забуду, то другое. Дуб-дерево, а не башка. А сейчас прямо чувствую, всё получится. Вы – как глоток свежего воздуха.

Наташка ласково погладила по голове малую, та потянулась к ней и очутилась в мягких объятиях новой маминой подруги.

– Первым встретила твоего деда Колю, когда из Москвы сбежала, – продолжила Наталья, покачивая на руках девочку. – И опять волосы дыбом: вон он, учитель. Прямо тут. На фига ездила? Чего искала? Вот она земля родная, вон она деревня с вековой историей, вот они корни, которые поливать надо. Ну и втянулась. Уже лет семь, что ли.

– Круто. И как тебе тут? Оно?

– Более чем. Это рай. Я ж говорю, тебе тут хорошо будет. Вот увидишь, – она подлила свежего чая и положила всем по хорошему куску пирога.

– А Ярик – это твой муж?

– Слава богу, нет. Это у меня ухажер был московский. Знаешь ли, я девка деревенская, думала, в Москву замуж вышла почти. Таскала из деревни всё подряд. Всю его родню кормила. Сама на курсы всякие, фитнес, языки, саморазвитие. А он, веришь ли, ни при ребёнке сказано будет, д.....б редкостный оказался, лежал на диване в халате, читал заумные книжки и всё мне

говорил, что я не так живу, что мне надо достичь просветления и ещё какой-то неведомой хрени, тогда я дотянусь до этого м...звона. Я верила, думала, тупая деревенщина. Хотя что-то внутри обидно щемило. Но... И в итоге мы поехали на Тибет. Он с жиру богатого, я с дури влюблённой. Как от того сморчка китайского приехали, так я собрала чемодан молча и свалила к подруге. Забыла у него свою кружку дорогую туристическую, такую, знаешь, как термос. Очень жалко. Он не отдал, лап, веришь. Так и таскается с ней по горам, по долам.

– А ты откуда знаешь?

– Видела у него в соцсетях. Она у меня приметная. Подруга расписала её специально для меня как жостовский поднос. Потёрлась уже, но цела. Сука, не мужик. Во, жлобьяра. Ой, малая, прости, тётка плохое слово сказала, – она ласково погладила девочку по голове. – А тебя как твой поймал?

– Ох, Наталья. Поймал – самое верное слово. У меня в 16 лет родители умерли...

Наталья закрыла рот руками, как бывало делала её бабуля.

– Да. Папа и мама поехали к папиной маме. У неё частный дом был на окраине города. Вот... – ведьма кончиками пальцев отодвинула кружку от края стола и опустила глаза. – Бабушка полезла в погреб за гостинцами для нас. Ну, там компот, салат, сама понимаешь. А у соседей утечка газа была и газ стёк, что ли, в подвалы соседей с их летней кухни. Но соседям повезло больше. Никому в погреб не надо было. Бабушка задохнулась. Папа, видимо, не дождавшись, пошёл проверить, мало ли, не молодуха же, вдруг поскользнулась там, или что... Или просто с соседкой разговаривает. Знаешь, как оно...

Наталья согласно кивала, боясь перебить и словом, и любым движением.

– Вооот... – снова начала ведьма срывающимся голосом. Слёзы уже были наготове. – Во дворе папа её не нашёл и полез в погреб, увидел, что бабушка лежит и вместо того, чтобы выбраться, и вызвать спасателей, стал её вытаскивать... И не смог...

Наталья медленно поднялась села рядом с ведьмой, обняла её своими мягкими руками. Ведьма тихо рыдала в ладони, сотрясаясь всем телом. Наталья плакала беззвучно, зажимая рот кулачком.

Когда ведьма перестала рыдать, Наталья уже боялась спросить, что было дальше. Но та решила закончить историю:

– В это время пришёл сосед, у которого утечка была, и кинулся по соседям. Маму поймал буквально за ногу, когда она туда лезла. Говорили, что уже так пахло газом, что стоять рядом нельзя было. Мама начала кричать. Сосед её на плечи и за забор и кричал, чтобы все соседи кидали добро и бежали из дома, потому что газ может взорваться. Ну, там соседи её на улице и держали. Говорят, она так орала, когда бабулю и папу достали из погреба, что чуть было вся толпа не поседела от ужаса. Мама умерла почти следом, так и не пришла в себя, просто угасла и всё.

– А ты где была? – осмелилась вставить слово Наталья.

– С другой бабушкой, маминой мамой, на даче яблоки собирала. В сентябре это было.

– Бедная ты моя, какая судьба жестокая.

– Жестокая, но не такая жёсть, как сейчас. Точнее, до побега. Я с бабушкой жила как у Христа за пазухой. А когда она умерла 5 года назад, я вообще одна осталась. Ни братьев, ни сестёр, ни близкой родни нет. Вообще капец. Хорошо, что работа была. Я только открыла своё дизайн-бюро. Сама себе хозяйка, сама бухгалтер, сама со строителями, сама ковры покупала, плитку и даже таскала и шторы вешала. Всё что угодно, только бы не быть одной, дома и всё такое. Я начала дом строить. Мы знаешь, мечтали с бабулей вдвоём жить в большом доме за городом, чтоб уже без дачи, а всё под боком. Удобно и бабуля старела, а без дачи не могла, чтоб по травке походить, на солнышке посидеть. И так далее.

– А с бабушкой что случилось? – осторожно спросила подруга.

– Мне кажется, она не пережила смерти мамы. Её старший сын умер ещё малышом от какой-то детской болезни, тогда вакцин не было. Не помню, как толком это называлось. То есть, мама – единственная её дочь, я – единственная внучка. Всё как-то не так... И деда своего я не знала, он умер, когда мне было два с половиной года. Неудачное удаление аппендицита.

– Да, блин, что за жизнь! Ну как так, чтобы на одну семью столько горя, господи, да куда там смотрят на небе, а? – взвилась Наталья.

– Да, Наталья, я сама так долго думала, пока своих учителей слушать не стала внимательнее. В общем, на тот момент я была измучена одиночеством и думала, что у меня вообще детей не будет, раз мой род так стремительно идёт на убыль. И тут нарисовался мой муж. Типа, проект заказать, в ходе проекта втёрся в доверие, скажем так, ну очень старался, правда. 24 на 7 рядом был. Сопли в сахаре. Отвезёт-привезёт, заберёт, доставит. Я вся в раздразе, поплакать не в кого. Мне так херово было, я дня по три лежала на балконе своего недостроенного дома на раскладушке и паялилась в одну точку. Мечтала умереть. Просто заснуть и не проснуться и это была молитва. По-серьёзному, по-взрослому. А с моста в реку боялась, – ведьма побледнела и почувствовала, как холодом сковало лицо, руки и по спине как будто что-то тяжёлое и ледяное медленно спускается вниз.

– Я раз вляпалась и сижу, несчастную корчу. А у тебя прям всех колошматит, как в мясорубке. Что за ужас, вся семья на кладбище и сама чуть не погибла. Прям программа по истреблению. Эх, тебя, лап, сурово. Хотя, я понимаю. Не сказать, чтобы близка была к такому, но как ты говоришь, я чувствую с тобой. Даже мороз по коже.

– У меня тоже. Так замуж и вышла, в общем, от страха. Потом уже сообразила, что свадьбу играли почти в те же дни, что отец и бабушка погибли. Это ужас просто.

– Ну, эт ты не нагнетай. Не в день же.

– Нет, но как-то я долго обычно переживаю эти события каждый год. Как будто выпадаю. Вот и свадьбу так себе помню. Помню, что стояла в ЗАГСе и твердила: «Надо сказать «нет». Надо сказать «нет»»...

– Ну, ты даёшь...

– Да, предчувствия её не обманули...

– Слушай, лап, а что если спрошу откровенно? Правда, что бабки говорят, типа, ты как дед, ведьма? – Наталья чуть побледнела и опасливо поглядывала на новую подругу, с которой они уже и пооткровенничали, и даже по-девчачьи поревели в обнимку.

– Правда, – спокойно сказала ведьма. – Только не в том понимание ведьмовства, что принято в обществе. Скорее мы хранительницы старинных знаний, природы и всего такого фольклорного. Ну, и художница.

– А гадать умеешь? – с интересом спросила Наталья.

– Само собой, – улыбнулась ведьма.

– Класс! – Наталья громко выдохнула. – Всегда мечтала о такой подруге. Погадаешь, выйдет из моего предприятия толк? А то я иногда так устаю, что хочется всё бросить.

– Я как раз для этого пришла, – ответила ведьма, принимая горделиво-театральную позу.

– Да иди ты, – удивилась подруга.

– Пойду, когда захочу, а сейчас я чаю хочу, – ведьма протянула пустую кружку.

Наталья безропотно взяла, налила холодной заварки и совсем побледнела, понимая, что она холодная, а ведьме срочно нужен чай.

Девушка расхохоталась:

– Видела бы ты своё лицо, прости, Наталь, не могла не пугнуть, ну очень смешно ты спрашивала и удивлялась.

– Коза ты, – ругнулась Наталья.

– Спасибо, подруга, сама ты такая.

Обе от души рассмеялись.

– Всё будет хорошо, Наташ. Сайт твой доделаем. Будем группы вести. Замутим пару туров посерьёзке. Сайт надо до ума доводить и чтобы не просто через переводчик браузера переводился, сама знаешь, какой там перевод, а чтобы были официальные версии с вменяемым текстом, как минимум на английском, французском и немецком. Это накроет большую часть аудитории. Кароч, у меня есть план и ресурс. Я заказала кое-что из техники. Буду посылки и курьерскую доставку на тебя заказывать. Но открывать буду сама, ибо там доки по моему бизнесу будут, прости, но коммерческие дела на самотёк пускать не надо.

– Да брось, не буду ничего открывать. Я вообще сейчас в шоке. Ты так говоришь сейчас, как будто мы с тобой уже месяц всё обсуждаем и вот решили что-то.

– Я привыкла руководить и делать большие проекты, прости, если с корабля на бал, но на рынке первый, кто раньше встал и больше трудился головой, а не руками.

Наталья изобразила на лице максимальный скепсис и показала свои синие руки:

– С этим как?

– Ты ж знала, что совать руки в краску нельзя.

– У меня телефон в чан упал.

– Тем более, ему хана теперь.

– А то...

– Купим тебе новый, не ссы. Интернет тут есть?

– Есть, но не везде.

– Я свою симку выкинула. На всякий случай. Договорилась со своими, что буду выходить на связь позже. Недавно первая посылка на деда пришла. Я письмо бумажное отправила на офис, они там обалдели, читали, говорят, вслух несколько раз. Прислали телефон, симки, ноутбук второй, наличку и много ещё чего. Даже фотоаппарат приличный. Курьер приехал аж сюда... Ребята специально ездили отправлять в другой город и оттуда курьера заказывали. В общем, путаем следы. Как зайцы в лесу.

– Да мы все видели. Ну, ты крутая, видать, там у себя.

– Не настолько крутая, чтобы справиться с таким уродом. Пришлось бежать. В городе не было возможности от него избавиться. Оглядываться по сторонам каждую минуту сил не было. Я бы уже с ума сошла. Тут в лесу, я обрела силу. Успокоилась.

– У тебя тут друзья появились. Я с тобой, лап.

– Спасибо, Наталь. Повоюем. Я пока симки не активировала. Во-первых, страшно выходить из тени, я тут привыкла к тихому мирку и добрым людям. Во-вторых, не уверена, что не выйдет слишком дорого.

– Тут не переживай, через неделю ярмарка в городе, я тебе куплю на свой паспорт, что скажешь. Я знаю, что тут ловит и где.

– Спасибо, друг. Сколько тебе денег дать?

– Во, ты дурная. Ей-богу. Ну, какие деньги? Ты мне помогаешь, я тебе. И вообще, у нас тут бизнес общий наклёвывается.

Глава 18. Осторожные шаги

Ведьма разглядывала резные старинные печати. Птички, цветочки, рыбки, растительные орнаменты и геометрические.

– Кривоватенькие такие, – отметила она вслух.

– Во, ты городская, вся ровная! Подишь ты, руками резано, не станком. Да и лет им почитай, – в своём репертуаре ответила Наталья.

– Ой, прости, я не хотела обидеть, наверное, это твой дед резал или кто?

Наташка сунула палку в чан с краской, развернулась, упёрла пухлые руки в мягкие бока:

– Да вы с дедом придурочные, ей-богу! Что вы на каждом шагу извиняетесь? Ты реально думаешь, тут все смертельно вежливые и клинические заботливые? Да только вы тут не от мира сего. Чесслово. Лап, ну соберись. Вы так стараетесь никого не ранить и ничего себе, всё людям. Вы святые или ненормальные.

– Всё равно прости, – ещё раз попросила ведьма.

Наталья сокрушённо покивала головой.

– Тебе позлей надо быть, понаглей что ли, лап. Ну, правда, – она махнула рукой и снова взялась за палку.

– Да у меня просто сил нету на такие эмоции. Да и желания тоже. Я так долго в разных деструктивных программах зависала, что любое негативное проявления для меня тяжело.

– А это и плохо, – наставительно сказала Наташка, – вот сама подумай, ты даже отказать не можешь и всё время прощения просишь, как будто стесняешься даже своё взять. Как будто легче последнее отдать, чем взять то, что тебе и правда нужно.

Ведьма удивлённо смотрела на Наталью и понимала, что она права на все сто. Она права, и дед прав. Она не идёт вперёд потому, что не может позволить себе взять своё. Оно её, оно уже предопределено для неё, а ей как будто стыдно, что вот у неё Сила будет, знания тайные, умение править миром, умение ценить своё и умение быть не как все.

– Что смотришь? Удивила? А ты небось нет да нет, думаешь, Наташка – девка деревенская, откуда ей...

Ведьма вспыхнула:

– Никогда так не думай. Обидела!

– А я так и хотела! – Наташка упёрла руки в бока. – Должен тебя кто-то пнуть от души. Ты прямо блаженная. Вот у деда твоего Сила – это видно, ему не скажешь, что он слишком добрый. К нему со злом и не подойдёшь, как дитё перед ним себя чувствуешь. А ты такая добрая, что тебя реально пнуть хочется, как старого бомжа.

– Фу, гадость какая, – ведьма опустила руки, отошла и села на стул.

Наташка подошла и встала на колени перед ней на полу. Ведьма только голову отвела: не утешай, я сама дура.

– Нормальная ты, просто усталая очень, – Наташка её гладила по голове и по плечам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.